

ДЖЕМС В. ШУЛЬЦ

СЫН ПЛЕМЕНИ НАВАХОВ

Путешествия Приключения Фантастика

Джеймс Виллард Шульц

СЫН
ПЛЕМЕНИ
НАВАХОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

JAMES WILLARD SCHULTZ
A SON OF THE NAVAHO

Перевод с английского и обработка

А. В. КРИВЦОВОЙ

Джемс Виллард Шульц (1859—1947) многие годы прожил среди индейцев Северной Америки у племени сиксику (черноногие). Темы его замечательных, правдивых книг, проникнутых необыкновенной теплотой к коренным обитателям американского континента, почерпнуты непосредственно из жизни индейцев, из их преданий и легенд. Одной из таких книг является и повесть «Сын племени навахов».

Художник Л. М. ГОЛЬДБЕРГ

І. БИТВА У ПУЭБЛО МЕДВЕДЯ

— Да, белый человек из племени черноногих, все было так, как тебе говорили. Родом я — навах, и если бы воин из племени тэва не задел меня случайно копьем, я бы до конца своих дней остался навахом. Этот удар копьем сделал меня индейцем-тэва — надеюсь, неплохим.

Так ответил мне старый «летний качик» через переводчика Легкое Облако.

Как-то поздней весной сидели мы в летней киве пуэбло * Сан-Ильдефонсо. С качиком меня познакомили мои приятели в Санта-Фе. Они сказали ему, что хотя я и белый, но сердце у меня черноногого индейца, так как вырастило меня племя черноногих. Он пригласил меня

* Pueblo — по-испански — селение, деревня.

в свое пуэбло, поместил в одной из чистеньких комнат с выбеленными стенами и дал право посещать священную киву. Но этого мне было мало. Я хотел узнать историю его жизни — жизни доблестной и богатой приключениями, о которых я кое-что слышал. И он обещал рассказать мне о себе — рассказать в те часы, когда он отдыхал от работы. А работал он много: возделывал маисовые поля, восстанавливал оросительные каналы.

Вот почему этот апрельский день застал меня в старой деревне индейского племени тэва — деревне, существовавшей задолго до путешествия Колумба и открытой в 1540 году Коронадо. Я испытывал чувство благоговейного трепета, когда впервые спустился по лестнице в эту подземную киву — комнату, имевшую шагов сорок в диаметре, где в течение многих веков кацики, шаманы, скоморохи, вожди кланов индейского племени собирались на совещания. Подножие лестницы находилось за очагом, где горел священный огонь, а неподалеку виднелось небольшое отверстие, представлявшее ход в Сипапу — подземный мир. Вдоль стен кивы тянулся широкий выступ из необожженных кирпичей — скамья, на которой обычно восседали старшины племени. Над ней были нарисованы на серой стене две огромные змеи в оперении, между ними отец-солнце, мать-луна и дети их звезды, а также символические изображения облаков, дождя и ветра. Мне хотелось узнать значение этих рисунков, но во время первого моего посещения кивы я никаких вопросов не задавал. Я стал рассказывать об обрядах черноногих и сумел заинтересовать старого кацика. Убедившись, что, несмотря на белый цвет кожи, я являюсь истинным черноногим, он в свою очередь рассказал мне о нравах и обычаях тэва и разрешил присутствовать при совершении многих обрядов, о которых белые до сих пор не имели представления. Два месяца прожил я в пуэбло, и он почти каждый день вводил меня в киву. Здесь, в тихом прохладном подземелье, рассказал он мне историю своей жизни. За это и за многие другие знаки внимания я глубоко ему благодарен.

Рассказ старика я записал со слов переводчика Легкое Облако. Радостно было мне слушать его и записывать; надеюсь, и вы с удовольствием прочтете историю жизни кацика Уампуса.

Историю моей жизни я хочу рассказать черноному белому, другу всех индейских племен, населяющих пустыню, долины и горы.

Родом я навах. Нас было четверо — мой отец, мать, брат и я. Брат, Одинокый Утес, на три года моложе меня, был болезненным и слабым. Матери я помогал ухаживать за ним, и во мне видел он вторую мать. Какими были навахи в дни моей молодости, такими остались они и по сей день. Это племя столь многочисленно, что навахи не имеют возможности жить все вместе. Отдельными кланами кочуют они по пустыне и горным равнинам, мужчины охотятся, женщины и дети собирают съедобные коренья, орехи и ягоды. Мой отец был вождем, главой клана, в который входило около двадцати семейств. С ними мы кочевали, с ними раскидывали лагерь. Скитались мы вдоль реки Сан-Хуан и к северу от нее; ходили на восток, в бесконечные прерии, где много было бизонов и где мы лакомились жирным мясом; ходили на юг, до Гор Апашей; вершины их покрыты снегом, а склоны одеты хвойным лесом; ходили на запад, до Колорадо, и в такую забирались глушь, что сердце сжималось от страха.

Мой отец охоту считал работой трудной и скучной. Когда ему удавалось добыть достаточно мяса, чтобы прокормить нашу маленькую семью в течение нескольких месяцев, он созывал мужчин нашего и других кланов и с ними грабил окрестных жителей. Такие набеги доставляли ему радость и развлечение. Обычно уводил он своих воинов на юг и нападал на испанские поселки.

У испанцев он отнимал прекрасных лошадей, седла, одежду, ружья, копья, ножи и возвращался к нам с добычей. Но иногда — скорее для развлечения, чем ради наживы, — нападал он на пуэбло в долине Рио-Гранде и в других равнинах, где жили мирные индейцы-землепашцы, засеивавшие свои поля маисом. За это моя мать всегда его бранила.

— Если ты хочешь воевать, — говорила она ему, — оставь в покое бедных землепашцев, они мирно возделывают свои поля и никого не трогают. Сражайся лучше с испанцами, которые мало-помалу завладевают нашей землей и скоро отнимут ее у нас, если ты не заставишь их бояться навахов.

На это отец отвечал:

— Я буду сражаться с испанцами и с землепашцами, потому что землепашцы живут в мире с испанцами.

Часто говорил он ей:

— Подожди, когда-нибудь я совершу набег на этих землепашцев и возьму все, что у них есть. Тогда и тебе и детям хватит припасов на несколько зим. Больше не придется тебе собирать коренья и орехи. Будешь сидеть в своем вигваме, стряпать, есть и толстеть.

А мать отвечала:

— Никогда не знала я праздности. Не было у меня ни одного дня отдыха и никогда не будет!

Весной, когда мне пошел десятый год, мы раскинули лагерь в горах у реки Сан-Хуан. Через месяц олени и лоси, набравшись ума, стали избегать охотников, и нужно было перебираться на новую стоянку. Созвали совет, и мой отец предложил пойти на юг, к каньону Челли, где водились антилопы. Когда-то в этом каньоне жили землепашцы, предки нынешних землепашцев из пуэбло.

Действительно, мы нашли там много дичи — антилоп, оленей, горных коз. Каждый день отец приносил в наш вигвам туши и шкуры животных. Убедившись, что мяса хватит нам на несколько месяцев, он с пятью воинами нашего клана вздумал совершить набег на испанские поселки. Но вскоре вернулся, а когда моя мать стала его расспрашивать, он засмеялся и сказал:

— Я вспомнил о тебе и решил не трогать испанцев. Настало время, когда я должен исполнить обещание. Эту зиму ты будешь отдыхать, стряпать, есть и толстеть.

— Зачем ты надо мной смеешься? Зачем дразнишь свою бедную жену? — грустно спросила мать.

— На этот раз я не дразню тебя! — воскликнул он. — Я вел моих воинов, чтобы напасть на испанцев. Мы подошли к пуэбло тэва, которое находится у больших источников. Здесь остановились мы на отдых и с горных высот посмотрели вниз, на равнину. И увидели, что в этом году тэва посеяли маиса больше, чем когда-бы то ни было. Вокруг пуэбло зеленели маисовые поля. И глядя вниз, на эту богатую житницу, вспомнил я о тебе, моей жене. Я сказал себе: «Если мы нападём на испанцев, я угоню лошадей, захвачу ружья, одежду, быть может, еще несколько скальпов, но все это у нас есть. Одного нет у нас — припасов на зиму. Не порадовать ли мне жену?

Вместо того чтобы идти войной на испанцев, я вернусь домой, а когда у тэва на полях созреет маис, я приду с большим отрядом и соберу жатву». Ну, довольна ли ты?

— Ты хотел меня обрадовать, но на сердце у меня тяжело,— ответила мать.— Ты отберешь у тэва маис, ты убьешь хлебопашцев, завладеешь их пуэбло и отнимешь все их имущество. Оставь в покое мирное племя тэва и иди войной на испанцев.

— Нет! Я совершу набег на пуэбло тэва! Будет у тебя не только маис, но и платья, одеяла и материя, вытканная руками тэва. Этого хватит тебе на всю жизнь, потому что ты стара, как утесы в каньоне.

Не успел отец выговорить последнее слово, как в наш вигвам вбежали женщины и спросили мать, правда ли, что мой отец хочет завладеть пуэбло тэва у источников, ограбить его и снять маис с полей. Когда она ответила, что таково его решение, они ушли напевая, приплясывая и смеясь. Их радовала мысль, что скоро перейдут к ним богатства тэва. Но на следующее утро шаман нашего клана подошел к отцу и, дрожа от гнева, сказал:

— Не пытайся завладеть этим пуэбло тэва! Как пришла тебе в голову эта мысль?

— Давно уже я обещал жене добыть много припасов, чтобы не нужно ей было собирать орехи и коренья. Теперь я исполню обещанное.

— Напрасно пришли мы сюда, в этот каньон! — воскликнул шаман.— Зачем вздумалось тебе остановиться по дороге к испанскому поселку? Зачем посмотрел ты с вожделением на маисовые поля тэва? Эти тэва жестоко отомстят тебе, если ты погубишь их посевы. Слушай! Я приказываю тебе сегодня же уйти из каньона. Лагерь мы раскинем в другом месте, и тогда ты забудешь о пуэбло тэва и пойдешь сражаться с испанцами.

— Старик, мне тебя жаль. Я уважаю старость и спорить с тобой не стану. Но знай, что ты ошибаешься, и не бойся за меня. В пуэбло тэва живут человек триста, не больше. Настанет день, когда я поведу против них шестьсот воинов и одержу великую победу.

Шаман встал, пробормотал что-то себе под нос и, не прибавив больше ни слова, ушел в свой вигвам. Он был очень стар этот шаман. Отец и другие воины думали, что он впал в детство. Но пришло время, когда я понял, что он был великим мудрецом.

— Ха! Как бестолковы эти старики! — воскликнул мой отец. — Могут ли какие-то тэва одержать верх над навахами!

Несколько дней он отдыхал, а потом посетил вождей других кланов племени навахов. Вскоре они явились в наш лагерь и, созвав совет, стали обсуждать план нападения на пуэбло. Решено было поставить караульных, которые будут следить за пуэбло. Когда настанет пора жатвы, мой отец соберет воинов у подножия горы из красного камня, находящейся к западу от пуэбло, и оттуда поведет их в наступление.

С тех пор семь-восемь юношей стали неустанно следить с горных высот за пуэбло тэва. Через каждые два-три дня их сменяли новые разведчики, передававшие друг другу приказ моего отца — не нападать на тэва, даже если те, выйдя из пуэбло, забредут в горы. По ночам разведчики должны были спускаться с гор к маисовым полям, смотреть, наливаются ли колос, и несколько колосьев посылать отцу.

Пуэбло тэва, на которое хотел напасть мой отец, называлось Уалатоа — пуэбло Медведя. Иногда называли его «пуэбло, которое лежит внизу», потому что раскинулось оно у подножия крупных гор, а к востоку, за горным хребтом, находились другие пуэбло тэва. Испанцы дали ему название пуэбло Хемец.

Теперь я расскажу о жителях Уалатоа, за которыми следили разведчики-навахи. Как-то после полудня один из тэва вскапывал свой участок земли. На утро он пришел снова и увидел на рыхлой земле следы чужих мокасинов. Он кликнул приятелей, работавших на соседних полях, и все они заявили, что эти следы оставил человек, обутый в мокасины навахов. Спустя несколько дней они снова увидели в поле такие же отпечатки мокасинов. И не раз молодые тэва, охотившиеся в горах за индюками, видели навахов, которые за ними следили, но не делали попытки их преследовать. Об этом тэва донесли «летнему кацику» пуэбло, а тот созвал совет в южной киве. На совете все высказали предположение, что навахи хотят собрать жатву, когда созреет маис, как делали они в далеком прошлом. В пуэбло Медведя воинов насчитывалось мало, а навахов было столько же, сколько листьев маиса в полях. Как бороться с ними? Или сидеть за стенами пуэбло и смотреть, как навахи

собирают жатву и уносят маис, которым питалось население пуэбло?

— Нет! Этого мы не допустим! — крикнул военный вождь. — Предоставьте дело мне! Сегодня же переберусь я через горный хребет и посоветуюсь с военными вождями других пуэбло. На этот раз мы сумеем дать отпор нашим врагам навахам.

В тот вечер военный вождь с пятью воинами покинул Уалатоа. Шли они не отдыхая всю ночь, а на утро пришли сюда, в это пуэбло, «Откуда вытекает река», которое испанцы, как тебе известно, называют пуэбло Сан-Ильдефонсо. Название это бессмысленно, но название тэва имеет глубокий смысл, ибо здесь Рио-Гранде вытекает из длинного и узкого каньона и мягко катит свои воды по широкой цветущей равнине. Когда тэва сотни лет назад построили это пуэбло, они дали ему название Покводж — «Откуда вытекает река».

Здесь, друг мой, в этой самой киве военный вождь Уалатоа совещался с вождем Покводжа. Потом послали они вестников к военным вождям других пуэбло племени тэва — Намб, Тезук, Сан-Хуан, Санта-Клара и Похоак. И вскоре все вожди явились на совет и дали клятву: когда подойдет время жатвы, они соберут своих воинов и явятся по первому зову вождя Покводжа, чтобы дать отпор навахам. На следующий день военный вождь пуэбло Уалатоа вернулся домой и после долгой беседы со старшинами пуэбло послал в горы разведчиков, приказав им следить за отрядами навахов, которые в свою очередь следили за созреванием маиса. Но разведчики тэва были так осмотрительны и осторожны, что навахи даже и не подозревали об их присутствии.

Вскоре один из разведчиков моего отца принес созревшие колосья маиса: зерна их набухли и побелели, а кисточки почернели и съжились. Отец тотчас же послал вестников к вождям других кланов. Подошло время жатвы, и воины должны были собраться у трех источников на Рио-Пуэрко, на расстоянии одного дня пути от пуэбло Уалатоа. Мы отправились в путь. Один за другим присоединились к нам другие отряды, и собралось нас несколько сотен. Разведчики снова принесли снопы колосьев, и мой отец, осмотрев их, приказал начать наступление, когда солнце склонится к закату. Услышав эти слова, воины (их было человек пятьсот-шестьсот) стали

петь и плясать, а женщины смеялись, толкуя о том, как весело им будет грабить пуэбло тэва, где много есть красивых платьев и одеял, бирюзовых ожерелий и браслетов, а также съестных припасов.

— Я с вами не пойду. Я останусь здесь с детьми,— сказала моя мать, обращаясь к отцу.

— Не пойдешь? — крикнул он. — Нет, пойдешь! И мальчиков возьмешь с собой. Я хочу, чтобы они были свидетелями нашей победы. То, что увидят они в пуэбло тэва, сделает их настоящими воинами.

Мать сказала мне:

— Как приказывает твой отец, так мы и должны поступить. Ступай, приведи лошадей и помоги мне оседлать их и привязать поклажу.

Я повиновался. Мой отец верхом на горячем испанском коне уже тронулся в путь, уводя за собой счастливых, весело распевających воинов. Моего больного брата мы посадили на самую смирную лошадь и потащились в хвосте процессии, состоявшей из женщин и детей. Когда мы покидали стоянку, одна из наших собак уселась на землю и, задржав морду к небу, жалобно завывала.

— Слышишь, слышишь! Мы с ней чуем беду. Нас ждет великое несчастье,— сказала мать.

Она заплакала, а я не знал, что думать. Моя мать и старый шаман советовали не трогать мирных тэва и, казалось, боялись их, тогда как отец не сомневался в победе. За моей спиной висел мешок из оленьей кожи, куда я спрятал свой лук и стрелы — простые заостренные палочки, которыми я стрелял в кроликов. Я размышлял о том, удастся ли мне вонзить одну из этих стрел в грудь индейца племени тэва. И еще одна мысль не давала мне покоя: хватит ли у меня храбрости натянуть тетиву?

Ехали всю ночь, а под утро отряд остановился в глубокой горной долине. Здесь мы оставили лошадей и поклажу, а сами стали пробираться вдоль обрывистого склона горы. Незадолго до рассвета мы подошли к пуэбло тэва. Тогда отец сказал громко, чтобы слышно было всем:

— Старики, женщины и дети, спрячьтесь здесь в кустах и смотрите, как мы, мужчины, разобьем этих землепашцев тэва! Мы спустимся вниз к маисовым полям и притаимся в траве, а когда люди выйдут на работу, мы

нападем на них, перебьем всех и ворвемся в пуэбло. Как только мы завладеем пуэбло, я поднимусь на крышу дома и буду размахивать одеялом. Тогда бегите сюда все и распоряжайтесь несметными богатствами тэва. Вперед!

Было еще темно, и вскоре войны скрылись из виду. Женщины и дети рассыпались по склону и попрятались в кустах. Мать повела Одинокый Утес и меня на восток, высматривая местечко, где бы можно было спрятаться. После долгих поисков она остановилась у подножия невысокой скалы. Забравшись в густой кустарник, она уехала и нас усадила подле себя.

Бледный дневной свет рассеял ночную мглу. Небо стало красным, и мы ясно могли разглядеть пуэбло тэва внизу, у наших ног. На крыше одного из домов в восточном конце деревни стояли трое мужчин. Больше никого не было видно, и мать не понимала, почему женщины не идут за водой к источнику. Мы смотрели на зеленые маисовые поля и не могли угадать, где спрятался отец. Показалось солнце; все выше поднималось оно над горизонтом, а в пуэбло по-прежнему не видно было людей, если не считать троих на крыше. Мать стала беспокоиться и не могла усидеть на месте.

— Вашему отцу грозит опасность! Я это знаю! — повторяла она снова и снова.

Внезапно тихое пуэбло ожило. Трое мужчин на крыше начали кричать и размахивать одеялами, и в ответ на их сигнал отряд воинов выступил из леса у восточной окраины деревни и направился к маисовым полям, а из пуэбло вышли сотни других воинов и двинулись к полям с западной стороны. Вместо трехсот мужчин из пуэбло Уалатоа, с которыми хотел сразиться мой отец, выступили против него все войны из семи пуэбло племени тэва. Раздались оглушительные выстрелы и вопли людей, умирающих там, в зеленых полях. Всюду видели мы воинов, убивающих друг друга. И тогда прочь от пуэбло Уалатоа побежали воины моего отца, а тэва преследовали их и никого не щадили. Беглецы карабкались по склонам гор. Тогда мы вскочили на ноги.

— Что мне делать, что мне делать с моим слабым больным мальчиком? — кричала моя мать.

Увидев выбоину у подножия утеса, она побежала туда, а нам приказала следовать за ней. Это была узкая, неглубокая пещера; у задней стены лежали листья, хво-

рост и трава, собранные семейством лесных крыс. Мать быстро вытащила несколько охапок хвороста, а мне и брату велела залезть в пещеру. Сверху она закрыла нас листьями и ветками. Потом сказала нам, что она сама спрячется где-нибудь в другом месте, а мы должны лежать смирно, пока она не вернется. Одинокiй Утес стал просить, чтобы она спряталась вместе с нами.

— Не могу! Для меня нет места,— всхлипывая сказала она.

Еще раз приказав нам не шевелиться, она ушла.

Пыль слепила нам глаза и забивалась в горло. Одинокiй Утес хныкал, а я умолял его не шуметь. Мы знали, что битва еще не кончена: снизу доносились выстрелы, крики, вопли раненых и ликующее пение воинов тэва. Потом раздалось шарканье ног, обутих в мокасины. Воины тэва поднялись на склон горы и остановились перед нашей пещерой. Они громко разговаривали и как будто спорили. Вдруг один из них воткнул копье в собранный крысами хворост, которым мы были прикрыты. Острый конец копья вонзился мне в плечо. Тогда я был еще маленьким и невольно вскрикнул от испуга и боли. Тотчас же они разбросали прикрывавший нас хворост. Два воина тэва, раскрашенные черной краской и украшенные орлиными перьями, вытащили нас из пещеры. Я увидел боевую дубинку, занесенную над головой брата. Рванувшись вперед, я вцепился в руку воина и вонзил в нее зубы.

— Он слабый, больной! Не смей обижать брата! — кричал я, забыв о том, что они не могут меня понять.

II. СЫНОВЬЯ НАЧИТИМЫ

Воин тэва не понял моих слов, но боль в укушенной руке заставила его поморщиться. Брата он не ударил, но меня схватил за горло и, отстранив от себя, занес над моей головой дубинку. Потом вдруг усмехнулся и сказал своим товарищам:

— Мышонок хочет защитить слабого. Кажется, я пощажу и его и того, другого.

— Нет, нет! Убей обоих! — крикнул воин, стоявший за его спиной.

Тогда я ничего не понял, но впоследствии узнал об этом разговоре.

Между тем сверху донесся шум: на склоне горы завязалась новая драка. Четверо тэва бросились туда, а мы остались одни с человеком, захватившим нас в плен.

Он разжал руку, сжимавшую мне горло, и взял меня за плечо. Взглянув на меня и на моего испуганного брата, он перевел взгляд на склон горы, где слышались крики. Я узнал голос матери, потом услышал ее вопль: «О, бедные мои мальчишки! Я ухожу...» И все стихло. Я понял, что она убита. Тогда я попытался выхватить нож, торчавший за поясом врага, но воин только засмеялся и крепче сжал мою руку. Одиноким Утес тоже слышал отчаянный вопль матери. Он закачался, как тростинка на ветру, и упал к нашим ногам.

Воин наклонился, поднял его и понес. Не выпуская моей руки, он стал спускаться с горы. Я шел за ним. Последний крик матери еще звенел в моих ушах. Она умерла! Теперь я не заботился о том, что ждет меня впереди. Я думал, что человек, взявший нас в плен, приведет меня и брата в пуэбло и там убьет на глазах у своих соплеменников.

Мы спустились к подножию горы и пересекли поле, усеянное телами убитых навахов. Среди них я увидел лишь несколько трупов тэва. У входа в пуэбло толпились женщины и дети; они смотрели на нас во все глаза; дети показывали на меня пальцами и что-то кричали — должно быть, выкрикивали бранные слова. Воин заговорил с одной из женщин, и она последовала за нами. Мы пересекли площадь пуэбло и остановились перед домом из необожженных кирпичей. Потом вошли в комнату с выбеленными стенами.

В углу я увидел постель, накрытую одеялами и шкурами бизонов; на нее воин посадил моего брата. Одиноким Утес очнулся, но выглядел больным и жалким. Он сидел понурый, грустный. Мужчина и женщина о чем-то говорили. Их язык показался мне очень странным. Потом мужчина ушел, а женщина, подойдя к очагу, взяла несколько ломтиков маисового хлеба и предложила их брату и мне. Мы не притронулись к ним. Она принесла нам воды, но мы не стали пить. Мы слышали, как толпа воинов с пением вернулась на площадь, но я их не видел, потому что окно комнаты было завешено шкурой, а дверь — занавеской. Я сказал брату, что воины празднуют победу над нашим народом. Он ничего не ответил и стал плакать: «Мать! О, моя мать!»

— Тише! Скрывай свое горе! — сказал я ему. Но он не мог удержаться от слез.

Женщина оставила свою работу, подседа к нему, обняла и ласково что-то сказала, приглаживая его волосы. Я подумал о том, что вряд ли стала бы она его ласкать, если бы нас обоих хотели убить, когда на площади соберутся все тэва. Ну, что ж, решил я, если меня пощадят, я при первом удобном случае убегу вместе с братом и буду жить только для того, чтобы стать могущественным воином и отомстить за смерть матери.

Вернулся человек, взявший нас в плен. С ним пришли две женщины, которые тотчас же вступили в спор с женщиной, ласкавшей брата. Видя, как они показывают на нас пальцем, я догадался, из-за чего завязался спор. Я был уверен, что они требуют нашей смерти, а она старается нас защитить. Тогда я почувствовал к ней благодарность и посмотрел на нее внимательнее. Это была худенькая маленькая женщина, лет сорока, с добрым лицом и кроткими глазами. Говорила она тихо и внятно. В то время как две другие женщины смотрели на меня с ненавистью, она мне улыбалась и кивала, словно хотела успокоить, сказать, что не даст в обиду меня и брата. Тогда женщины повернулись к человеку, взявшему нас в плен, и стали что-то кричать ему. Он задумчиво посмотрел на них, потом взглянул на меня и брата и ничего им не ответил.

Вдруг Одинокий Утес повернулся к двери и пронзительно крикнул:

— Смотри, смотри! Ожерелье нашего отца!

Я оглянулся. В дверях стоял человек. У него на шее висело хорошо знакомое мне тяжелое ожерелье из бирюзы с подвешенным к нему орлом, вырезанным из раковины. Все обернулись и посмотрели на вошедшего. Он мрачно улыбнулся и что-то сказал, указывая на ожерелье и ружье, которое держал в руке. Я узнал ружье. Этот человек убил моего отца!

Войдя в комнату, он поставил ружье отца и свое собственное в угол, сел и отдал какое-то распоряжение двум женщинам. Они принесли ему сосуд с водой, табаку и трубку. Он стал курить, беседуя с человеком, взявшим нас в плен. Потом сказал несколько слов женщинам, и те принялись застряпню. По-видимому, это был его дом. Немного спустя женщины подали каждому из нас чашку с похлебкой из бобов, маиса и мяса и ломтики маисового хлеба. Одинокий Утес посмотрел на свою

чашку, отвернулся и ни слова мне не ответил, когда я уговаривал его поест, чтобы набраться сил, так как мы еще не знаем, чего нам ждать от тэва. Я же съел все, что мне дали, а когда я покончил с едой, маленькая женщина ласково улыбнулась. Казалось, она была мной довольна.

Когда все поели и ушли, маленькая женщина снова налила в чашку горячей похлебки и подала ее брату. Вдвоем мы уговаривали его поест, и он послушался. Потом она ласково заговорила с нами и несколько раз повторяла все те же слова, указывая то на себя, то на дверь, но мы ничего не понимали. Я попробовал объяснить на языке знаков, который знаком навахам и всем другим кочевым индейским племенам, но она не знала ни одного знака. Индейцы, живущие в деревнях и занимающиеся земледелием, не знают языка знаков.

В течение дня многие воины тэва входили в комнату, где сидел я с Одиноким Утесом. Почти все смотрели на нас с ненавистью и что-то говорили человеку, взявшему нас в плен, и маленькой женщине, которая, как мы догадались, была его женой. Настала ночь. Тэва плясали и пели на площади, а маленькая женщина увела нас в другую комнату и велела лечь на ложе из одеял и звериных шкур. Потом она ушла, а мы с братом стали оплакивать отца и мать и горевать, почему отец не послушался старого шамана. Мы хотели убежать, как только тэва улягутся спать. Но глаза наши сомкнулись, и мы заснули, а разбудила нас маленькая женщина. Ночь прошла. И угасла надежда на бегство.

Вскоре мы услышали голос человека, что-то кричавшего на площади. Индеец-тэва, захвативший нас в плен, и его жена быстро встали, взяли свое оружие и одеяло и вывели из дома меня и Одинокий Утес. На площади собралось несколько сот мужчин и женщин. Я увидел много лошадей и испанского жеребца, на котором ехал накануне мой отец. Одинокий Утес, узнав коня, громко вскрикнул. Человек, захвативший нас в плен, поднял брата и посадил на оседланную лошадь. Толпа вышла из пугблo. Мы пересекли равнину и подошли к подножию горного хребта, тянувшегося на востоке. Гуськом начали мы подниматься по узкой тропинке. Шли мы все утро, а когда солнце высоко стояло над головой, половина пути была пройдена, и начался спуск в долину. Далеко

внизу сверкала широкая извилистая река — Большая река, или Рио-Гранде, как называют ее испанцы. Солнце склонилось к закату, когда мы спустились к реке. На другом берегу я увидел большое пуэбло, окруженное маисовыми полями. Человек, взявший нас в плен, указал на него пальцем и сказал: «Покводж, Покводж». Потом ткнул себя пальцем в грудь и снова повторил: «Покводж», давая нам понять, что там он живет.

Невольно я повторил за ним «Покводж», и так в первый раз произнес я слово на языке тэва.

Мы переправились через реку и вошли в пуэбло Покводж, которое испанцы называют Сан-Ильдефонсо. Когда мы входили в узкие ворота, я сказал Одинокому Утесу, что через несколько дней мы отсюда убежим. С тех пор прошло семьдесят лет, а я все еще живу в Покводже. Здесь и брат мой, Одинокий Утес. Он погребен на песчаном берегу реки. Позднее я расскажу тебе о страшном его конце.

Войдя в ворота — единственные в стенах пуэбло, мы направились к площади. С четырех сторон ее окаймляли дома, одноэтажные и двухэтажные. Узким переулком мы вышли на другую площадь и остановились у подножия лестницы, прислоненной к стене дома в северном конце площади. Человек, захвативший нас в плен, снял брата с седла и поставил его на землю. Нас окружила толпа женщин и детей, а воин дал нам знак следовать за его женой, которая стала взбираться по лестнице. Мы поднялись на крышу и подошли ко второму этажу дома, примыкавшего к переднему строению. Отодвинув занавеску у двери, она ввела нас в комнату, поцеловала брата и уложила его на постель в углу. Он тотчас же заснул.

Пока маленькая женщина разводила огонь в очаге, я осматривался по сторонам. В верхнем этаже дома было три комнаты, а мы находились в средней. Комната, выходившая на восток, служила, по-видимому, кладовой — в ней хранились запасы маиса. Дверь в другую комнату была не завешена, и я увидел, что там на стенах висят богатые одежды, щиты, головные уборы, шкуры лисиц и других животных.

Разведя огонь, женщина взяла сосуд и пошла за водой. По обеим сторонам очага стояли различные сосуды, большие и маленькие, некоторые были красиво разрисованы. Были здесь также всевозможные плошки и чашки

из глины, обожженные и раскрашенные маленькой женщиной, которая, как я впоследствии узнал, считалась самым искусным гончаром в деревне. Некоторые рисунки на сосудах и площадках показались мне знакомыми. Где мог я их видеть? И вдруг я вспомнил: в каньоне Челли, где была наша стоянка, еще сохранились ветхие полуразвалившиеся жилища древних землепашцев, предков нынешних тэва. Женщины нашего клана пользовались старыми сосудами и чашками, найденными в этих домах.

Я еще рассматривал рисунки, когда женщина вернулась, а следом за ней вошел ее муж, который принес сноп маисовых колосьев. Он бросил их на пол возле очага и знаками приказал мне снять колчан и лук и сесть подле спящего брата. Между тем женщина вскипятила воду, сварила маис и, разбудив брата, предложила ему поесть. Он плакал и отказывался, а она взяла его на руки, поцеловала и, ласково нашептывая ему что-то на ухо, уговорила отведать маиса. Новое кушанье так ему понравилось, что он с жадностью поел. Все время женщина его обнимала, а ее муж улыбаясь смотрел на них. Когда брат утолил голод, женщина раздела его, уложила и накрыла одеялом. Я был удивлен: я не мог понять ее привязанности к ребенку враждебного племени.

На восходе солнца мужчина разбудил меня, и вместе с ним я пошел к реке, где мы выкупались. Брат еще спал, когда мы вернулись в пуэбло. Мы поели маисовых лепешек и сушеного мяса, а потом мужчина дал мне понять, что я пойду с ним на маисовое поле. Это поле находилось к востоку от пуэбло, и кроме маиса, здесь росли тыквы, бобы, дыни и пшеница. Он разрезал дыню и протянул мне несколько тонких ломтиков. Это лакомство показалось мне удивительно вкусным. Видя, с какой жадностью я ем, он засмеялся и знаками объяснил, что я могу есть вволю. Мы начали обрывать колосья маиса и складывать их в кучу, а к полудню вернулись в пуэбло. Я обрадовался, увидев, что брат сидит на постели. Женщина умыла его, одела, расчесала его длинные волосы и нарумянила щеки. Выглядел он здоровым и бодрым, каким я давно уже его не видел. Он охотно поел похлебки, которую сварила для нас маленькая женщина.

— Ешь побольше,— сказал я ему.— Ты должен набраться сил к тому времени, когда мы отсюда убежим.

После полудня я снова ушел с человеком, взявшим нас в плен. Мы оседлали лошадь и привесили к седлу два больших мешка из оленьей кожи. Эти мешки мы наполнили собранными утром колосьями и, вернувшись в деревню, разгрузили мешки у подножия лестницы, которая вела в наш дом. Маленькая женщина спустилась вниз и стала шелушить маис, а потом отнесла его высушить на крышу. В тот день мы четыре раза возвращались на маисовое поле. Проходя по площади пуэбло, я задыхался от злобы, потому что мальчики и девочки тэва смеялись и дразнили меня, пока мой спутник их не прогнал. Я был уверен, что они называют меня рабом. «Ну что ж? — думал я. — Недолго я буду рабом. Настанет день, когда я жестоко отомщу им за насмешки».

Каждый день наш хозяин работал со мной в поле. Вдвоем мы собирали жатву, а потом запрягли лошадей и стали возить дрова из леса, запасая топливо на холодные зимние месяцы.

Так прошло три месяца, а нам с братом ни разу не представился случай бежать из пуэбло и вернуться к родному народу. А потом выпал снег и одел белым покровом горы. Я понял, что придется ждать лета, так как зимой нас всегда смогут догнать по следам.

Между тем брат становился с каждым днем все сильнее и крепче и наконец избавился от болезни, которая терзала его с самого дня рождения. На четвертый месяц нашей жизни в пуэбло я сказал ему, что нам придется здесь остаться, пока не растают снега. Его ответ так меня удивил, что я долго не мог выговорить ни слова.

— Брат, — сказал он, — я не хочу отсюда бежать.

— Как? Ты не хочешь вернуться к нашему народу? — спросил я наконец.

— Нет! Я хочу остаться здесь.

— Почему?

— Потому что я люблю эту женщину, и она меня любит. Для нас она — вторая мать. И ее мужа я люблю, он ласковый и добрый.

Правда, они были добры к нам. Они сытно кормили нас и хорошо одевали. Маленькая женщина так сильно привязалась к Одинокому Утесу, что не отпускала его от себя ни на шаг. Ее муж защищал меня от нападков детей. Но почему, почему они так поступали? Этого я не мог понять. В тот день я больше не говорил с братом

о побеге. Я думал, что с наступлением весны Одинокий Утес захочет вернуться к родному народу.

К тому времени мы с братом стали понимать язык тэва. Одинокий Утес знал больше, чем я, потому что маленькая женщина учила его новым словам и объясняла их значение. Он мог свободно говорить на языке тэва, а я еще не пытался произносить известные мне слова. Ни языка, ни обычаев тэва я не хотел знать. Каждый день думал я о том, как нам убежать из пуэбло и вернуться к нашему народу. Но неожиданно все для меня изменилось, и я захотел научиться чужому языку.

Наш дом находился на Южной площади. Конечно, я давно уже обратил внимание на большую круглую киву, находящуюся на нашей площади. Часто я видел, как мужчины поднимаются по ступеням на крышу, а затем спускаются через отверстие в крыше вниз, в подземелье. Я понимал, что эти люди — старшины пуэбло, и в киве они собираются на совет. Но я никогда не подходил к киве и никогда не бродил один по площади и улицам пуэбло. Зная, что дети тэва относятся к нам враждебно, мы с братом должны были их сторониться. Ведь мы двое не могли справиться со всеми детьми!

Как-то вечером, вскоре после моего разговора с братом, я завернулся в одеяло и вышел на крышу, чтобы подышать холодным воздухом, так как в комнате было жарко. Глядя вниз на площадь, я заметил тусклый свет у входа в киву и понял, что там идет совещание. Вдруг до меня донеслось заглушенное пение. Дивной показалась мне эта песня, и я невольно затаил дыхание. Площадь была темная, поблизости не видно было детей. Я спустился с нашей лестницы, крадучись пересек площадь и заглянул в маленькое отверстие в западной стене кивы. Я увидел мужчин, сидевших на длинной скамье, подивился изображению оперенной змеи на стене. Перед очагом, где горел священный огонь, стоял старик. Он дал знак, и мужчины снова запели песню, которую я только что слышал. Один из них потихоньку бил в барабан. Меня охватила дрожь. Не понимая слов, я знал, что они поют древнюю песню своего племени, которая вдохновляет их на великие подвиги.

Песня оборвалась, но я не мог успокоиться. Мужчины встали, собираясь покинуть киву, а я пересек площадь, вернулся домой и лег подле брата. Но мне было не до

сна. Я вспоминал чудное пение и думал о том, что у моего племени нет древних песен. И тогда захотелось мне самому сидеть в киве и петь вместе с воинами. Но для этого я должен изучить язык тэва.

«Завтра же я начну говорить на их языке», — дал я себе клятву.

На следующий день мой хозяин сказал мне, что погода стоит теплая и безветренная, а потому мы оседлаем лошадей и поедem в лес за дровами. Как удивились он, его жена и мой брат, когда я ответил на языке тэва, что запасы топлива приходят к концу, и мы хорошо сделаем, если привезем дров.

Он сказал мне:

— Я доволен.

А маленькая женщина обняла меня и поцеловала.

— Мой старший сын! — воскликнула она. — Твоя мать-тэва рада, что ты говоришь на ее родном языке.

Да, она и ее муж относились к нам обоим, как к родным детям. Впоследствии я говорил с ними об этом и узнал, что, не имея детей и чувствуя приближение старости, они давно уже хотели кого-нибудь усыновить, но в их родном клане не было сирот, а другие кланы отдавали сирот только близким их родственникам. Когда воин спас нам жизнь, его жена и он сам решили нас усыновить, хотя против этого восстало все племя, а некоторые тэва предрекали им беду.

Теперь я скажу тебе, как звали человека, взявшего нас в плен. Имя его — Начитима, что означает Облачающий Себя; имя его жены — Келемана — Девушка-Сокол.

Зная, что почти все дети, а также их родители нас ненавидят, мы с братом никогда не ходили одни по пуэбло. Но Келемана стала зазывать детей из соседних домов и знакомить с нами. Больше всех нравилась мне Чоромана — Девушка-Голубая Птица, красивая девочка моих лет. Она приходила и играла с нами почти каждый день, а когда я стал говорить на ее языке, она с любопытством расспрашивала меня о жизни и обычаях моего кочевого племени. В свою очередь она рассказывала мне о нравах и обычаях тэва. Я узнал, что она входила в клан Канг — Горный Лев. Так назывался один из кланов «летнего народа». Члены этих кланов жили в домах, окружающих Южную площадь. Вокруг Северной площади

расположились кланы другой ветви племени тэва — «зимний народ». Но подробно я расскажу тебе об этом позднее.

Часто Чоромана просила меня и моего брата поиграть с ней и с другими детьми внизу, на площади, но Келемана говорила, что боится нас отпускать. Как-то утром Начитима услышал эти слова и сказал, что теперь мы уже большие мальчики и можем за себя постоять.

— Идем! — воскликнула Чоромана. — Мы будем играть в шары — мы, девочки, против вас, мальчиков.

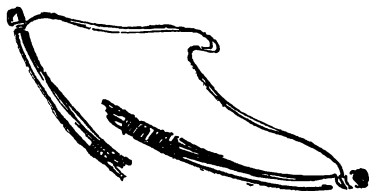
— Нет! Сначала мы будем стрелять в цель. Посмотрим, кто из нас лучше стреляет, — сказал один из мальчиков.

Я взял лук и колчан со стрелами, и все вместе мы спустились на площадь. В это время несколько мальчиков из кланов «зимнего народа» прибежали на нашу площадь и присоединились к нам. Один из них, Огота — Пятнистая Раковина — был одних лет со мной, но выше и сильнее меня. Подбежав ко мне, он схватил висевший за моей спиной лук. Не успел я оглянуться, как он переломил его о колено и больно ударил меня по голове. Мы стояли около кучи хвороста, заготовленного на зиму. Обезумев от гнева, не сознавая, что делаю, я поднял большую палку и замахнувшись изо всех сил ударил Оготу. Он упал, а все дети, кроме моего брата и Чороманы, разбежались, пронзительно выкрикивая:

— Мальчик-навах убил Оготу! Мальчик-навах убил Оготу!

Раздались вопли женщин, со всех сторон бежали к нам мужчины. Приземистый человек с круглым лицом схватил меня за руку и занес надо мной нож.

— Сейчас я умру! Брат, беги к матери! — крикнул я.

III. НОВЫЙ ВОЖДЬ ОХОТЫ

Не будь здесь Чороманы, я был бы убит. Но когда мужчина выхватил нож, она бросилась вперед и уцепилась за его руку. Он пробовал ее стряхнуть, но она повисла на нем и громко кричала, призывая Начитиму. Брат не послушался меня и остался, помогая мне вырваться из рук врага, но он был сильнее нас обоих. Высвободив руку, за которую уцепилась Чоромана, он оттолкнул девочку и замахнулся на меня, но я отскочил и избежал удара.

В эту минуту явился Начитима и схватил его за руку, а с другой стороны подошел к нему «летний кащик» и приказал бросить нож.

— Но этот щенок-навах убил моего сына! Я должен его убить! — кричал человек.

— Он не умер, я чувствую, как бьется его сердце,— сказала одна из женщин, опустившаяся на колени подле Оготы.

— Пусти меня! Я хочу знать, жив ли он,— сказал отец Оготы.

И Начитима его отпустил.

Прибежала мать мальчика и с громким плачем бросилась к сыну. Все мы молча на них смотрели. Я горько раскаивался в своем поступке и ненавидел себя за то, что нанес такой жестокий удар.

— Ну, что? — спросил «летний кацик».

— Его сердце бьется, но очень слабо,— ответил отец Оготы.

— Отнесите мальчика домой. Я приду и вылечу его,— сказал кацик.

Несколько человек осторожно подняли Оготу и унесли. Его отец оглянулся и, указывая на меня, крикнул:

— Собака-навах, если он умрет, ты тоже не будешь жить!

Келемана, ходившая за глиной для посуды, прибежала на площадь и увела нас домой. Чоромана и Начитима последовали за нами, и мы рассказали Келемане о том, что произошло. Когда мы окончили рассказ, она крепко обняла девочку и воскликнула:

— Храбрая Чоромана! Добрая Чоромана! Ты защищала моих мальчиков! Ты спасла им жизнь! Как я тебе благодарна!

— Я тоже тебя благодарю. Если бы ты не схватила убийцу за руку, я не успел бы спасти наших мальчиков,— сказал Начитима.

Одинокий Утес подошел к ней и стал ее обнимать, а я мог только выговорить:

— Ты храбрая. Этого я никогда не забуду.

Келемана была испугана. Если Огота умрет, его родители и, пожалуй, все кланы «зимнего народа» потребуют смерти моей, а быть может, и Одинокого Утеса.

— наших мальчиков мы не отдадим! Я сумею их защитить,— сказал Начитима.

— Времени у нас мало. Придумай, как нам их спасти,— настаивала его жена.

Но в это время прибежала к нам женщина из клана «зимнего народа» и сказала, что Огота ожил, сидит и ест похлебку.

— Хорошо! Значит, мы можем вернуться на площадь! — воскликнула Чоромана.

— Нет, я с Одиноким Утесом останусь дома, а то мы опять попадем в беду, — ответил я.

— После того как ты ударил Оготу, я думаю, что никто не посмеет вас тронуть, — сказал Начитима. — И не годится тебе все время сидеть дома или на крыше. Это похоже на трусость. Возьми этот нож, всегда носи его с собой и в случае необходимости защищайся.

Он протянул мне нож в крепких кожаных ножнах. Я очень обрадовался и привязал нож к поясу. Мы спустились на площадь, к нам подошли другие мальчики и девочки, и мы стали играть. Никто нас не обижал. Набравшись храбрости, я повел наш маленький отряд на площадь «зимнего народа», и там к нам присоединились и дети кланов «зимнего народа». Но несколько мальчиков стояли в стороне и выкрикивали ругательства; меня и брата они называли собаками. Однако никто не посмел нас ударить.

С тех пор мы разгуливали по пуэбло так же свободно, как и другие дети. Вскоре в наших играх стал принимать участие и Огота, ни разу не упоминая о том, что произошло между нами. Я понимал, что играет он с нами только для того, чтобы быть с Чороманой, к которой он был очень привязан. В его присутствии я чувствовал себя неловко, часто он смотрел на меня с ненавистью. Я хорошо знал, что он ни на минуту не забывает нанесенного мной удара.

Пришла весна. Снег в горах растаял, и я сказал Одинокому Утесу:

— Теперь за нами никто не следит. Путь свободен. Мы можем убежать из пуэбло и вернуться к нашему народу.

— Но я не хочу бежать! — ответил он.

— Я тоже не хочу. Лучше останемся здесь, с нашими добрыми родителями-тэва, — сказал я.

За эти несколько месяцев, проведенных в плену, я очень изменился.

Больше мы ни разу не говорили о возвращении на родину.

Настало время посева. Мы помогали Начитиме засеивать поле маисом, пшеницей, семенами тыкв, бобов и сладких дынь. Начитима учил нас чинить ачеквиа — оро-

сительные каналы, за зиму засорившиеся. В ту пору индейцы тэва еще не получили от испанцев ни плугов, ни сбури, но несколько лет назад испанцы дали им в обмен за дорогие шкуры лопаты и кирки. Обливаясь потом, вскапывали мы землю, готовя ее к посеву, а за работой Начитима рассказывал о порядках и обычаях тэва, казавшихся нам очень странными. Хотя поле и оросительные каналы были собственностью Начитимы, но весь урожай переходил во владение Келеманы. Ей принадлежал также и дом и домашняя утварь, ей принадлежали дети. Так как своих детей у нее не было, то мы, усыновленные, считались ее собственностью и были членами ее клана — клана Маис, но никакого отношения не имели к клану Начитимы — Бирюзе. Мужчина тэва был лишь работником и помощником своей жены; ей принадлежало все, а ему только одежда его и оружие. Не так было у навахов; мужчине навахи принадлежали дети, жена, дом и вся домашняя утварь.

К концу посева мы часто слышали пение, доносившееся из кивы на нашей площади. Нам сказали, что шаманы молят всевышних ниспослать обильные дожди. Когда же посев был окончен, мужчины и женщины в нарядных одеждах вышли из кивы; их сопровождали старики-барабанщики и певцы. У всех мужчин на куртках были вышиты белые и красные зигзаги — символ молнии. Такие же зигзаги я увидел и на их мокасинах. Ноги они вымазали черной краской и провели зигзагообразные линии. Все женщины надели одинаковые синие платья из материи, вытанной их мужьями, а голову покрыли короной из кожи бизона. Короны были разрисованы символическими изображениями дождя и облаков и украшены орлиным пухом. Мужчины несли трещотки из бизоньих клыков, а женщины — маленькие еловые ветки. Начался ритуальный танец. Процессия несколько раз обошла вокруг кивы. Мужчины в такт потрясали трещотками, а женщины ветвями. Изредка ветер сдувал клочок пуха с короны одной из женщин, и пух поднимался к небу.

— А! Смотрите! Он поднимается! Он несет наши молитвы в синее небо! — кричал шаман, а народ ликовал.

Торжественный танец и пение произвели на меня глубокое впечатление. Мне захотелось стать настоящим тэва, получить право входить в киву и участвовать в обрядо-

вых плясках. Но одна мысль меня смущала: я боялся, что тэва никогда не примут наваха в свою среду.

Когда окончилось празднество, я поделился своими опасениями с Начитимой. Он взял меня за руку, подозвал брата и повел нас обоих к старому «летнему кацику». Ему он передал мои слова. Кацик ласково посмотрел на нас, потрепал меня по плечу и сказал:

— Начитима усыновил вас обоих. Вы — тэва, дети Начитимы и Келеманы. Делай добро, старайся всегда поступать хорошо, и ты получишь право входить в киву, а со временем примешь участие в совещаниях наших старшин и воинов.

Его слова сделали меня счастливым. Я побежал домой, чтобы обо всем рассказать Келемане. Слезы выступили у нее на глазах; она поцеловала меня и прерывающимся голосом сказала:

— И ты и Одинокий Утес — мои сыновья. Я вас сделала настоящими тэва, и мой народ должен принять вас в свою среду.

— Больше всего хотел бы я посещать киву, петь древние песни и войти в совет всинов и мудрых старшин! — воскликнул я.

Начитима, только что вошедший в комнату, услышал мои слова.

— Твое желание исполнится, когда ты войдешь в совет воинов, — сказал он.

— Хорошо! Мой отец был великим воином, и я буду таким, как он.

— Нет, ты не будешь грабить и убивать других индейцев. Воины тэва сражаются только с теми, кто их обижает.

Его ответ удивил меня и разрушил мои планы, так как я мечтал стать вождем и совершать набеги на команчей, кайова и другие племена прерий.

— Хорошо, я буду воином тэва. Но когда же я смогу начать? — спросил я.

— Ты еще мал. Посмотрим, что будет через несколько лет, — ответил он, и этим ответом мне пришлось удовольствоваться.

В наше пуэбло часто приходили индейцы из Намба, Тезука, Похоака и других пуэбло тэва. От них мы узнали, что несколько воинов из этих селений ушли на охоту и домой не вернулись, и исчезли две женщины из Намба

и одна из Тезука. Тэва думали, что их убили навахи, которые мстили за страшное поражение, нанесенное им прошлым летом. Небольшие отряды навахов рыскали в окрестностях пуэбло, подстерегая индейцев тэва. Охотники не отваживались уходить в горы; вот почему в селениях не хватало мяса и истощился запас орлиного пуха для молитвенных палочек.

Эти слухи повредили и мне и Одинокому Утесу. Мужчины и женщины стали косо на нас посматривать, а один индеец из соседнего селения сказал Начитиме:

— Ты должен убить, а не прикармливать этих собак-навахов.

Это слышала Келемана. Она подбежала к нему и, погрозив кулаком, крикнула:

— Не смей обижать моих мальчиков! Они такие же хорошие тэва, как и твои дети. Не вмешивайся не в свое дело и уходи из моего дома!

Индейцу показалось, что она хочет его ударить, и, птясь, он вышел из комнаты. Когда он спускался на площадь, дети, игравшие с нами на крыше, дразнили его и смеялись, но нам с братом было не до смеха.

— Не обращайтесь внимания на его слова,— сказал Начитима.— Поступайте так, как советует вам ваша мать и я, и когда-нибудь он будет хвалить вас, а не бранить.

Летом и Одинокий Утес и я много работали; научились вскапывать землю, сеять, сажать, полоть и собирать жатву. Когда настала осень, мы запасли дров на всю зиму. Прошла зима, и мы первые во всем пуэбло вышли на работу в поле и стали готовиться к весенним посевам. Пролетело еще несколько лет, а мы с Одиноким Утесом росли, работали, играли и привыкали к обычаям тэва. Люди, приходившие из других пуэбло, по-прежнему смотрели на нас недружелюбно. Их примеру следовал кое-кто из нашего пуэбло, главным образом члены кланов «зимнего народа». От Чороманы мы узнали, что мать Оготы постоянно распускает о нас дурные слухи, ссылаясь на лживые слова своего сына.

Летом, вскоре после посевов, когда мне шел семнадцатый год, двое мужчин из клана «зимнего народа» ушли в горы на охоту и назад не вернулись. Отыскивать их отправился большой отряд. В лесу были найдены их тела. Кто-то снял с убитых скальпы, отобрал оружие

и одежду. Ходившие на розыски вернулись в пуэбло и рассказали о том, что видели. Сомнений быть не могло — охотников убили навахи.

Мать Оготы начала шептаться с соседками. Она утверждала, что Одинокый Утес и я поддерживаем тайные сношения с бродячими отрядами нашего племени, доставляем им сведения и вместе с ними обдумываем план нападения на пуэбло. Весь «летний народ» и почти все кланы «зимнего народа» смеялись над ее предположениями, но кое-кто верил ей или делал вид, будто верит. Среди тех, кто высказывался за то, чтобы нас убить или изгнать из пуэбло, был Тэтиа (Белый Медведь), вождь клана Па (Огонь) и дядя Оготы. Я знал, что нас он ненавидит с тех пор, как я ударил Оготу. Он был опасным врагом, и я не сомневался в том, что при первом удобном случае он нам отомстит.

Шел седьмой год нашего пребывания в Покводже. Летом умер Самайо Оджки — вождь охоты, и в киве «летнего народа» собрался совет, чтобы выбрать ему заместителя. В этом вопросе старшины кланов голоса не имели. Как-то вечером «летний кацик» созвал собрание, в котором участвовали только члены Патуабу — Высшего тайного совета тэва. Членами Патуабу были два кацика, Тсиоджке (военный вождь), Тсичуи (главный шаман), Поаниу (хранительница змеи), Самайо Оджки и восемь скоморохов.

Одинокый Утес, Келемана и я сидели на крыше перед нашим домом, когда члены совета начали собираться на площади. Я смотрел, как они поднимаются по ступеням кивы, и вдруг с изумлением воскликнул:

— Смотрите! Женщина! Что она там делает?

— Тише! Это Поаниу, — ответила Келемана.

— Но разве женщина может быть членом Патуабу?

— Поаниу пользуется такою же властью, как главный шаман или даже сам «летний кацик». Она хранительница священной змеи.

— Священной змеи? А что это за змея? Где она находится? Почему я до сих пор о ней не слышал?

— Тише, не кричи, — перебила Келемана, зажимая мне рот рукой. — Мы никогда не говорим о Поаниу и о змее, за которой она ухаживает. Только члены Патуабу знают, где держит она эту змею.

— Но почему?..

— Не задавай мне вопросов! — прикрикнула на меня Келемана. — Я не могу тебе ответить. И отец не даст ответа. Даже старшины кланов знают не больше, чем мы. Вот уже много лет, как у Патуабу находится эта змея, о которой заботится Поаниу. Змея им нужна для каких-то церемоний и обрядов.

— Смотри, Поаниу тащит тяжелый мешок, а в мешке, наверно, сидит змея, — предположил Одинокый Утес.

Келемана сердито повернулась к нему, дернула за ухо, потом ласково обняла и приказала молчать.

Члены Патуабу собрались на крыше кивы. «Летний кацик» спустился в подземелье, чтобы развести священный огонь, и вскоре из отверстия вырвались тонкие завитки дыма. Тогда один за другим члены Патуабу спустились вниз, и до нас донеслось заглушенное пение. Эти древние песни тэва всегда производили на меня странное впечатление. Меня охватила дрожь, захотелось узнать, что делается там, в киве, захотелось стать одним из тех, кто имеет право участвовать в совещании. Я наклонился к Келемане.

— Мать, — сказал я, — мать, я хочу быть одним из Патуабу.

Впервые я назвал ее матерью.

— Мой сын! Дорогой сын! — воскликнула она. — Наконец-то! Наконец-то ты назвал меня матерью! Как я счастлива! О, я помогу тебе стать одним из них! Я твоя мать. Да, я мать двух добрых сыновей.

Спускались сумерки. Вскоре пришла к нам из кивы Поаниу и спросила, где Начитима. Он был в соседнем доме, и мы видели, как Поаниу увела его в киву. Снова раздалось пение и бой священного барабана. Потом все стихло. Мы молчали, не смея высказать наши мысли и надежды.

Стало холодно; мы вошли в дом, и Келемана развела огонь в очаге. Потом достала мешочек со священной мукой и бросила по шепотке во все четыре угла комнаты — на север, юг, восток и запад. И Одинокый Утес и я — мы оба знали, о чем думает она, совершая этот обряд. Настала ночь, но мы не ложились спать. Наконец послышалось шарканье мокасинов, и на пороге показался Начитима. Шел он медленно, словно человек, блуждающий во сне. Его глаза были расширены, лицо нахмурено и серьезно.

— Тебя выбрали на место умершего? Теперь ты Самайо Оджки? — дрожащим голосом спросила Келемана.

— Да. Как я был удивлен! Я не смел надеяться, что меня выберут на место умершего вождя охоты. Тяжелое бремя возложили на мои плечи.

— Ты можешь нести это бремя. С твоей помощью охотники добудут нам дичи, — стала его успокаивать Келемана.

— И мне ты поможешь. Я хочу стать членом Патуабу, — сказал я.

— Ты знаешь, что для тебя и для Одинокого Утеса я сделаю все, — ответил он.

— Ха! Как рассердится Тэтиа, когда узнает, что теперь ты Самайо Оджки! — воскликнула Келемана.

— Да. Но меня он винить не может. Не я себя назначил.

— Теперь и он, и Огота, и все члены клана Огня будут ненавидеть нас еще сильнее, — сказал я.

И я не ошибся. Тэтиа, дядя Оготы, и Начитима были главными помощниками старого вождя охоты. Они делали для него молитвенные палочки, исполняли его приказания, и Тэтиа не раз говорил, что надеется в будущем занять место старика. На следующее утро женщины «зимнего народа» сказали Келемане, что Тэтиа вне себя от гнева; «Человек, приютивший и выкормивший двух щенков-навахов, не имеет права быть Самайо Оджки и членом Патуабу», — говорил он всем и каждому. Спустя два дня Чоромана передала Келемане слова Оготы: он убеждал ее не иметь с нами дела и говорил, что дружба с мальчиками-навахами не доведет ее до добра.

Вскоре, после того как Начитима стал Самайо Оджки, начались сильные дожди. Теперь засеянные поля не нуждались в орошении, и мужчины нашего пуэбло решили пойти на охоту под предводительством Начитимы. Я очень обрадовался, когда он мне сказал, что я буду его помощником и пойду вместе с ним. У меня был хороший лук и оперенные стрелы с зубчатыми стальными наконечниками, но до сих пор мне приходилось убивать только кроликов, и я давно уже мечтал о настоящей охоте.

Рано утром отряд в сорок человек вышел из деревни и на плотях переправился через реку. Затем начался подъем на гору. Как тебе известно, горный хребет тянется с севера на юг, а склоны рассечены глубокими

каньонами, спускающимися с высот к Рио-Гранде. Хребет этот похож на ладонь, а каньоны на пальцы руки.

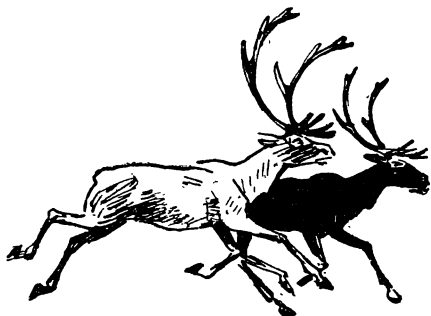
За несколько дней до охоты Начитима послал вестника к Тэтиа и предложил ему отправиться вместе как главному охотнику. Но Тэтиа наотрез отказался охотиться вместе с новым Самайо Оджки. Тогда Начитима назначил на его место Кутову (Человек-Камень), отца Чороманы. Эти двое вели отряд, а я, следуя за ними по пятам, тащил на спине мешок с молитвенными палочками Начитимы и очень гордился своим званием помощника Самайо Оджки.

Мы шли на юго-запад, по заросшему лесом холму между двумя глубокими каньонами. Идти было легко, так как высокие ветвистые сосны защищали нас от палящего солнца. Вскоре увидели мы следы дичи; олени и лоси убегали с нашей тропы. Но мы продолжали идти на юго-запад, и на дичь никто не обращал внимания.

Этого я не мог понять и наконец спросил Начитиму, почему он не начинает охоты.

— Сначала мы должны дойти до каменных львов,— ответил он.

У меня забилося сердце. Наконец-то я увижу этих чудесных каменных львов, о которых мне приходилось слышать столько рассказов!

IV. ВЫЗОВ

Мы долго шли лесом. Обойдя два глубоких каньона, выходящих к Рио-Гранде, остановились у спуска в третий каньон, на дне которого журчал холодный прозрачный ручей. Сумерки еще не наступили, и я спросил Начитиму, почему мы так рано расположились на отдых и далеко ли до Каэнкукаджей — священных каменных львов. Он ответил, что Каэнкукаджи находятся неподалеку отсюда, но мы их увидим не раньше, чем на следующее утро, так как только на восходе солнца разрешается к ним подходить.

Мы спустились к ручью, а двое из нашего отряда остались наверху, у края каньона. До наступления темноты они должны были стоять на страже, потому что тэва опасались столкновения с навами. Мы уселись на

берегу ручья и достали из дорожных мешков лепешки из маиса, приготовленные для нас, охотников, женщинами пуэбло. Когда мы ели, раздался крик дикого индюка. Другой индюк ему ответил, а через несколько минут двенадцать индюков гуськом спустились по крутому склону к ручью. Вскоре два лося пришли на водопой и остановились в нескольких шагах от нас. Охотники молча следили за ними, а я шепнул Начитиме:

— Позволь мне убить лося.

Ничего не ответил он, только покачал головой и приложил палец к губам. Когда индюки и лоси напились и, выбравшись из каньона, скрылись из виду, Начитима сказал:

— Мы не стали бы их убивать, даже если бы умирали с голоду. Мы не смеем выпустить ни одной стрелы, ни одной пули, пока не дойдем до каменных львов. Таков древний обычай.

Настала ночь. Дозорные присоединились к нам, и мы быстро заснули. Начитима разбудил нас незадолго до рассвета. Мы умылись, поели, напились воды из ручья и последовали за нашим вождем. Он вывел нас из каньона на старую тропу, тянувшуюся с запада на восток; в течение многих веков люди ходили по этой тропе. Здесь грунт был очень твердый. Теперь тропа напоминала узкую ложбинку, словно высеченную топором.

Мы двинулись на восток и через несколько минут вышли на круглую площадку, обнесенную оградой. Посреди площадки я увидел священных Каэнкукаджей — двух каменных львов *. Высеченные из огромной каменной глыбы, они лежали друг подле друга на брюхе; головы их были обращены на восток, длинные тонкие хвосты вытянуты, лапы поджаты, словно звери приготовились к прыжку. Эти удивительные львы были созданы Хэвэнди Интова — Древними Людьми, которые изваяли их из камня.

* Каменные львы, находившиеся к юго-западу от пуэбло Сан-Ильдефонса, были изваяны индейцами из пуэбло Кверис, обратившегося в развалины задолго до того, как Коронадо открыл эту страну в 1540 году. Невежественные белые золотоискатели, думавшие только о наживе, взорвали динамитом каменную плиту, на которой покоились львы, и прорыли под ней тоннель. Но и по сей день к этому месту стекаются паломники из всех индейских пуэбло Нью-Мексико и Аризоны (Прим. авт.).

Мы расположились полукругом перед священными львами. Я подал Начитима его мешок с молитвенными палочками и другими принадлежностями шамана. Начитима выступил вперед, бросил по щепотке муки на север, юг, восток и запад, потом достал красную краску и как только взошло солнце помазал краской головы обоих львов. После этого он обратился к ним с молитвой: просил их покровительствовать нашей охоте, чтобы женщинам и детям мы принесли много мяса для еды и шкур для одежды. Наконец он положил перед ними молитвенную палочку и вышел из-за ограды. Остальные охотники последовали за ним, но сначала каждый из них положил перед львами по одной палочке. Когда очередь дошла до меня, я увидел, что таких палочек набралась целая груда. Приносили их сюда не только тэва, но и индейцы из пуэбло Кверис, Зунис и даже из дальнего Хопис. Все они мазали священных львов красной краской и просили у них помощи.

Когда мы отошли на сотню шагов от священной ограды, Начитима велел нам остановиться.

— Охотиться мы будем на восточном склоне горы Обсидиан* и на просеке Узкий Перешеек,— сказал он.— Ты, Кутова, поведешь загонщиков на склон, оттуда гоните зверей к просеке, а уж наше дело их убивать. Но дай нам время дойти до просеки и устроить прикрытие.

Кутова выбрал двадцать пять человек, и хотя никому не хотелось быть загонщиком, но все повиновались ему беспрекословно. Они пошли на север, а Начитима повел нас на северо-восток вдоль глубокого каньона к узкой просеке. Эта просека была как бы перешейком между двумя каньонами; к западу она расширялась, а к востоку суживалась. Дальше начинался крутой спуск в горную долину.

Было около полудня, когда мы дошли до перешейка. Начитима велел охотникам рассыпаться по просеке. Сам он расположился по одну сторону тропы, проложенной зверьми, с севера, а мне приказал занять место по другую сторону. Быстро приготовили мы прикрытия — плетни из еловых веток, и каждый охотник спрятался за плетень. Мы достали луки и стрелы и стали ждать. У На-

* Гора Обсидиан, или Санта-Клара, в тридцати милях от Санта-Фе, является одной из четырех священных гор, которым поклоняются индейцы тэва и кверис (*Прим. авт.*).

читимы и еще нескольких охотников были также и ружья, но пользоваться ими они не хотели, так как звери, испуганные громкими выстрелами, могли повернуть назад и прорваться сквозь линию загонщиков. Между тем загонщики должны были стрелять, чтобы испуганные звери побежали к просеке.

Вскоре после того как наши плетни были готовы, далеко на западе раздался выстрел, за ним последовал второй, третий, и мы поняли, что охота началась. Затем спустилась тишина, а через несколько минут снова загрели выстрелы — на этот раз значительно ближе. Загонщики поднимались по склону горы к просеке. Кустов по близости не было, и мы издали могли разглядеть приближающихся зверей. Первыми показались два койота, рысью бежавшие по пыльной тропе, по обеим сторонам которой Начитима и я поставили наши плетни. Поравнявшись с нами, они почуяли наш запах, потянули носом воздух и рванулись вперед. Через секунду они скрылись из виду.

Показались два лося. Они бежали по тропе к северу от нас. Когда они пробегали мимо плетней, за которыми притаились охотники, мы услышали, как зазвенела тетива. Животные рванулись вперед, подпрыгнули и упали. Потом на нашу тропу вышли три оленя. Начитима стрелял в вожака, а я по его приказанию пустил стрелу во второго оленя. Наши прикрытия находились в двух шагах от тропы, и мне казалось, что промаха быть не может. Двух оленей мы уложили, третий убежал. Горный лев, делая огромные прыжки, промчался мимо. За ним бежало стадо оленей и лосей, показались дикие индюки. Мы стреляли в животных, когда они пробегали мимо наших плетней. Наконец все стихло, и на просеку вышли загонщики: охота была окончена. Мы выбежали из-за плетней и бросились к убитым животным.

Сосчитав оставшиеся у меня стрелы, я узнал, что стрелял четырнадцать раз. Внимательно осмотрел я животных, убитых на нашей тропе, и нашел только три стрелы с моими отметками. Я убил двух оленей и одного лося, а из семи стрел, выпущенных Начитимой, шесть попали в цель. Значит, я был слишком взволнован, чтобы внимательно прицеливаться. Смущенно рассказал я Начитиме о своей неудаче, но он меня успокоил, сказав, что для первого раза я стрелял неплохо.

В тот день мы убили больше сотни оленей и лосей. Работы было много: мы сдирали шкуры с животных и туши разрубали на части. Вскоре пришли к нам женщины из пуэбло и, как заранее было условлено, привели лошадей, чтобы отвезти домой нашу добычу. Загонщики вернулись на склон горы за убитыми животными. Ждали мы их довольно долго, но никто не спешил домой. Женщины болтали, смеялись и пели, мужчины вспоминали все события этого дня и все в один голос хвалили Начитиму. Патуабу поступил разумно, назначив Начитиму новым Самайо Оджки: давно уже не было такой удачной охоты.

В пуэбло мы вернулись только к полудню следующего дня, так как много времени ушло на то, чтобы переправить туши на плотах через реку. Все охотники отдали часть своей добычи тем, кто оставался охранять пуэбло, а Начитима лучшие куски мяса отложил для Тэтиа и послал к нему моего брата. Одинокий Утес вернулся через несколько минут. Он был очень испуган: Тэтиа крикнул ему, что не примет ни куска мяса, так как животные убиты навахами или теми, кто покровительствует навахам.

— Ну, что ж,— сказал Начитима,— все знают, что я всегда старался жить в дружбе с Тэтиа. Но больше я никогда не буду звать его на охоту.

Так как Кутова, стоявший во главе загонщиков, был слишком занят и не успел убить ни одного зверя, то и мы и другие охотники отдали ему часть нашей добычи, а я подарил Чоромане шкуру убитого мной лося. Она очень обрадовалась и сказала, что давно хотела иметь такую шкуру. Она выдубит ее и сошьет себе прекрасные новенькие мокасины, а из оставшегося куска сделает что-нибудь и для меня.

Спустя несколько дней, когда она дубила кожу, вымачивала ее в отваре из дубовой коры, к ней подошел Огота и спросил, кто убил этого лося. Услышав ее ответ, он очень рассердился.

— Выброси ее сейчас же! — крикнул он. — Ты не должна брать подарки от этой собаки-наваха! Смотри, как бы не попасть тебе в беду! Дай мне шкуру, я ее сожгу.

— Он не собака! Он был навахом, но теперь он тэва,— ответила она. — И хороший охотник. Хороший и

добрый! Эту шкуру я выдублю, она будет мягкой и белой, и я сделаю из нее мокасины.

— Нет, я тебе не позволю! — закричал он.

В это время я стоял на крыше перед нашим домом и прислушивался к разговору. Слова Оготы привели меня в бешенство, и, не владея собой, я крикнул ему:

— Как ты смеешь отнимать шкуру, когда ты сам ничего не можешь дать взамен, потому что до сих пор не убил ни одного зверя?

— Ха! Я стреляю лучше, чем ты!

— Докажи! Кутова говорит, что во время охоты он видел огромного медведя с длинными когтями. Сейчас этот медведь выходит на просеку и подбирает остатки нашей добычи. Его нетрудно будет найти. Ступай туда и постарайся его убить! Если ты его не убьешь, пойду я. Если я не убью, ты попытаешься еще раз. Так по очереди мы будем выслеживать медведя. А когда один из нас убьет его, мы узнаем, кто лучше стреляет!

— Ха! Говоришь ты дело, но, наверное, замышляешь предательство. Нет, с навахом мне не по пути. Я отказываюсь идти на охоту, — быстро ответил Огота.

За его спиной раздался голос:

— Ты должен принять этот вызов, а мы позаботимся о том, чтобы все было сделано по правилам. Такие испытания нам нужны: они превращают наших юношей в смелых воинов.

Огота оглянулся и увидел «летнего кацика»; с ним было еще несколько человек. Все с любопытством прислушивались к разговору. Огота посмотрел на них и не сказал ни слова.

— Если ты отказываешься, значит, ты боишься идти на медведя. Плохо, плохо! Наши юноши становятся трусливыми и слабыми. Боюсь, что печальная судьба уготована нашему пуэбло, — с грустью сказал старик.

— Я не боюсь, — отозвался наконец Огота. — Мне кажется, этот навах строит какие-то козни, вот почему я не принял вызова.

— Козней можешь не опасаться. Об этом мы позаботимся. Говори, принимаешь ли ты вызов?

— Да.

— Хорошо. Сегодня вечером твой отец, Начитима и другие соберутся у меня, и вместе мы решим, как провести охоту на медведя.

И с этими словами «летний кацик» удалился.

Огота повернулся и, злобно посмотрев на меня, ушел с нашей площади.

Чоромана, набросив на плечи шкуру лося, взбежала по лестнице к нам на крышу и подошла ко мне.

— Ты на него рассердился. Не нужно было вызывать его на такое опасное дело. Эти медведи с длинными когтями — самые страшные звери. Даже наши лучшие воины их боятся. Я не помню, чтобы хоть кто-нибудь принес в наше пуэбло шкуру такого медведя.

Я знал не хуже, чем она, каким опасным врагом может быть раненый медведь этой породы. В лесах Сан-Хуан и в горах Апашей погибло немало охотников-навахов. Я уже трусил и бранил себя за свою вспыльчивость. Но ни за что не признался бы я Чоромане, что боюсь медведя с длинными когтями.

— Будь спокойна. Этого медведя я убью и вернусь сюда целым и невредимым,— хвастливо сказал я.

И по лицу ее я увидел, что мне удалось рассеять ее опасения.

Только сейчас я оценил ее доброту и вдруг понял, как сильно я ее люблю. Я почувствовал, что мне она дороже всех на свете. А теперь быть может я скоро умру и расстанусь с ней навеки. И всему виной мои необдуманные слова! Но сначала я должен был узнать, любит ли она меня.

— Чоромана,— сказал я,— хочешь, я буду твоим мужем? Не сейчас, а через несколько лет, когда мы оба будем взрослыми?

Она схватила меня за руку, глаза у нее заблестели, и она воскликнула:

— Да, я хочу только тебя и никого другого! О, как долго я ждала, чтобы ты меня спросил!

В эту минуту на крышу поднялась Келемана, а за ней Начитима и Одинокый Утес. Возвращаясь с полей, они слышали о вызове, который я бросил Оготе, и Келемана, подбежав ко мне, стала браниться и кричать, что не пустит меня на охоту. Потом она повернулась к Начитиме и начала молить его, чтобы он запретил мне идти на медведя. Он ласково обнял ее и сказал:

— Вызов сделан и принят. «Летний кацик» его одобрил. Теперь мне остается только одно: помогать нашему мальчику.

— О, слишком поздно! Слишком поздно! Если бы я была здесь, я бы заставила его замолчать, я бы зажала ему рот! — крикнула Келемана и, заплакав, ушла в дом.

Чоромана последовала за ней и стала ее утешать.

Я сказал Начитиме, что «летний кацик» хочет вместе с ним и отцом Оготы поговорить об условиях предстоящей охоты.

— Конечно, Тэтиа потребует, чтобы охотники взяли ружья,— сказал Начитима.

— Ну, что ж! Ружье лучше, чем лук. Я возьму твое,— отозвался я.

— Нет, нет! — воскликнул он.— Чтобы зарядить ружье, нужно много времени. За это время охотник успеет выпустить четыре-пять стрел. А кроме того, отверстие, через которое вошла пуля, быстро стягивается, животное не теряет крови и умирает медленно. А стрела образует широкий прорез, кровь вытекает из него, и животное слабеет и падает. Нет, не надо ружей. Я буду настаивать на том, чтобы тебе позволили взять лук и стрелы. Если они не согласятся, я тебя не пушу.

— Как хочешь. Тебе лучше знать,— сказал я.

Келемана, печальная и заплаканная, приготовила нам ужин, а когда мы поели, Начитима велел брату развести огонь в очаге. Усевшись перед очагом, он долго курил. Никто не нарушал молчания.

Наконец пришел человек от «летнего кацика». Начитима вышел с ним. Уходя, он оглянулся и сказал:

— Либо совет Патуабу примет мои условия, либо этой охоты не бывать!

К нам пришла Чоромана со своей матерью, но все мы были задумчивы и озабочены. Молча ждали мы возвращения Начитимы. Вернулся он поздно, а вместе с ним пришел Кутова. Оба мрачно улыбались.

— Нам пришлось поспорить с людьми из клана Огонь. Жаркий был спор, но победа осталась за нами,— сказал Начитима.— Сначала все шло гладко. Все мы порешили, что первым пойдет на охоту Огота. Если ему не удастся убить медведя, пойдешь ты, сын мой. Если же он его убьет, ты должен найти и убить другого медведя, а если это тебе не удастся, победителем будет объявлен Огота. Если и ты и он убьете медведя, вас обоих признают хорошими охотниками. На этом мы порешили. Тогда отец Оготы сказал, что каждого охотника будут

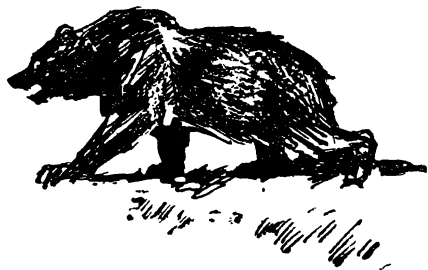
сопровождать два советчика, с Оготой пойдут он и Тэтиа. «Нет! — крикнул я. — Советчиками должны быть люди из других кланов, которые к обоим охотникам не чувствуют вражды. Они одни сумеют правдиво рассказать нам о том, как прошла охота». Долго мы спорили и наконец предоставили «летнему» и «зимнему кацикам», военному вождю и главному шаману вынести решение. Они решили, что с Оготой пойдет один человек из нашего клана и один из клана Огонь. Тебя также будут сопровождать двое советчиков из этих двух кланов. Услышав это, отец Оготы и Тэтиа нахмурились. Тогда я сказал, что из нашего клана пойдет с тобой Кутова. Никто не возражал. Отец Оготы хотел, чтобы охотники взяли ружья, но я отстаивал лук и стрелы. Кацики со мной согласились. Ружья мы получили от испанцев, а белые всегда нас обижали и притесняли, и не годится идти с их оружием на медведя. Так закончилось совещание. Завтра утром Огота и два помощника пойдут искать медведя с длинными когтями.

— Кто из нашего клана сопровождает Оготу? — спросила Келемана.

— Потоша — Белая Антилопа. Мы с ним уже сговорились.

— Хороший человек. Честный и справедливый, — сказала Келемана.

На следующий день Огота ушел в горы со своими двумя советчиками — Потошей из нашего клана и Хонани-Барсуком из клана Огонь. Я волновался и не находил себе места. Мне хотелось знать, что делает Огота. Неужели удастся ему убить медведя? Я не мог ни есть, ни спать, работа и игры потеряли для меня всякий интерес.

V. ТАЛИСМАН ОХОТНИКА

Прошло несколько дней. В пуэбло только и разговору было, что об Оготе. Всем хотелось знать, как закончится охота. Многие называли его храбрым юношей и выражали надежду, что он сумеет убить медведя. На восьмой день его отец и все члены клана Огонь начали беспокоиться, не напал ли на Оготу и его спутников отряд навахов и не погибли ли все трое в горах. Кое-кто высказывал опасения, что их убил медведь с длинными когтями. Хотели идти на поиски в горы, но на двенадцатый день Огота вернулся. Он пришел мрачный и молчаливый и, не отвечая на вопрос, вошел в дом своих родителей. За ним последовал советчик из его клана, а Поташа поспешил к нам и, улыбаясь, уселся возле очага.

— Я вижу по твоему лицу, что Огота не убил медведя! — воскликнул Начитима.

— Да, ты прав. Он начал дрожать, как только мы вышли из пуэбло. Ему представлялся случай убить его, но он убежал. Дело было так...

— Подожди, подожди! — перебил Начитима.— Я пошлю младшего сына за Кутовой. Пусть он тоже тебя послушает.

Прибежал Кутова, и тогда Потоша начал рассказ.

— Огота струсил, как только мы вышли из пуэбло. Все время он говорил о свирепом нраве медведей, вспоминал, сколько раз нападали они на мужчин, женщин и детей нашего и других пуэбло. Несколько раз он говорил, что подвергает себя страшной опасности, отправляясь на охоту с луком и стрелами, когда нужно было взять ружье. Наконец мне надоели его причитания, и я сказал: «Если бы ты раньше об этом подумал, ты бы придержал язык и не стал хвастаться. Довольно болтать о медведях, лучше ты нам покажи, как ты их убиваешь».

Он ничего не ответил, переглянулся с советчиком из своего клана, и оба злобно на меня посмотрели.

Мы поднялись по склону горы к просеке Узкий Перешеек и осмотрели брошенные нами остатки добычи. Здесь все еще пировали медведи, волки и койоты; они растащили кости и обглодали оставшееся на них мясо. Несколько дней сторожили мы у края просеки, видели черных медведей, волков и койотов, возвращающихся к недоеденным тушам, но бурого медведя с длинными когтями мы не видели ни разу, хотя он тоже приходил сюда по ночам. У ручья в начале каньона мы нашли отпечатки его лап, и я их измерил: моя рука четыре раза укладывалась на отпечатке лапы от пятки до конца когтей. Увидев это, Огота зажмурился.

К вечеру пятого дня мы заметили двух маленьких бурых медведей, объедавших оленью тушу. Хонани посоветовал Оготе убить одного из них. Я же сказал, что убить он должен большого медведя, а маленькие в счет не идут. Огота сразу со мной согласился.

Наша стоянка находилась у ручья на склоне горы. Ночью и днем мы спали, а утром и вечером ходили выслеживать медведя. Так прошло несколько дней, а мы все еще его не видели. Вчера утром у подножия горы мне удалось подстрелить оленя. Огота и Хонани предложили отнести мясо в лагерь и устроить пиршество, но я им сказал, что добыча принадлежит мне, и я рас-

поряжусь ею иначе. Я настоял на том, чтобы они помогли мне перетащить убитого оленя на просеку, где мы нашли накануне обглоданные медведем кости.

— Дело сделано,— сказал я.— Бурый найдет тропу, по которой мы тащили мясо, и по следу придет сюда. Теперь остается только сделать прикрытие. Огота, принимайся за работу. Плетень мы поставим здесь, и я остановился в нескольких шагах от оленьей туши.

— Нет! Нет! Это слишком близко, слишком близко! — закричал Огота.— Вот хорошее место для прикрытия!

И он отбежал шагов на пятьдесят от оленя.

— Слишком далеко,— ответил я.— Тебе трудно будет попасть в цель, и стрела вонзится неглубоко. Но делай как знаешь, ты охотник. Мы поможем поставить плетень там, где ты хочешь.

Втроем мы поставили плетень в пятидесяти шагах от оленя и, захватив с собой несколько кусков мяса, вернулись в лагерь.

Я думал, что медведь найдет тушу только ночью, но на всякий случай предложил подняться вечером на утес у склона горы, откуда видна была просека. Солнце склонилось к западу, когда мы добрались до утеса. Мы ясно видели оленью тушу, лежавшую посреди просеки. Над ней кружились сороки, но зверей поблизости не было. Все ниже опускалось солнце и наконец скрылось за горой. Когда стемнело и мы стали собираться в обратный путь, из леса вышел старый бурый медведь, почуявший запах мяса. Приблизившись к туше, он обошел вокруг нее, потянул носом воздух и вдруг, рванувшись вперед, громко заревел и начал есть. Медведь был большой, очень большой, и ревел он оглушительно громко.

— Вот, Огота, тот медведь, которого мы ждали! — сказал я.— Сейчас слишком темно, и ты не можешь спуститься к плетню. Ты убьешь его утром, потому что утром он непременно вернется доедать тушу.

Огота ничего мне не ответил и Хонани тоже промолчал. Я стал спускаться с утеса, а они последовали за мной, но потом отстали, и дальше я пошел один. Когда они вернулись в лагерь, Хонани подошел ко мне и сказал:

— Потоша, это очень большой медведь, и Огота подвергает себя страшной опасности. Мне кажется, мы оба должны сопровождать его завтра утром и вместе с ним спрятаться за прикрытием и ждать медведя.

— Хонани,— ответил я,— условия охоты ты знаешь не хуже, чем я. Огота один пойдет на медведя. Мы с тобой проводим его только до утеса и оттуда будем следить за ним.

— Хорошо,— сказал Огота,— но так как медведь очень большой, то я имею право взять не только лук и стрелы, но и ружье Хонани. С ружьем я спрячусь за прикрытием и буду ждать медведя.

— Сам «летний кацик» утвердил правила этой охоты,— возразил я.— Он запретил брать ружье. Или ты возьмешь лук и стрелы, или не пойдешь на медведя.

— Ха! Понимаю! — закричал Хонани.— Ты идешь против нас. Ты хочешь, чтобы победа досталась этому наваху!

— Ты ошибаешься. Я хочу только, чтобы Огота соблюдал все правила,— ответил я.

Больше они не сказали ни слова.

На рассвете я разбудил обоих, и мы стали спускаться с горы. На востоке забрезжил свет, когда мы подошли к утесу. Я посоветовал Оготе поскорее спрятаться за плетнем, но он мешкал и не уходил. Наконец взошло солнце, и мы увидели, что медведя нет около убитого мной оленя. Тогда только Огота спустился с утеса и медленно пошел к плетню.

Сороки и вороны уже слетелись к туше, сарычи кружились над ней. Два койота выбежали из леса и начали обгладывать кости. Вдруг они потянули носом воздух и убежали на восток.

— Бурый медведь идет,— сказал я, обращаясь к Хонани.

В эту минуту на просеку медленно вышел медведь. Подойдя к туше, он обнюхал ее со всех сторон и лениво стал отрывать кусочки мяса. Вечером он сытно поел и еще не успел проголодаться. Мы следили за ним и недоумевали, что делает Огота, почему он не стреляет, когда бурый поворачивается к нему широкой спиной. И вдруг мы увидели Оготу: на четвереньках он быстро полз на восток и через несколько минут скрылся в лесу.

— Вот и конец охоте! — воскликнул я.

Хонани ответил не сразу.

— Это очень большой медведь,— сказал он наконец.— Я уверен, что будь ты на месте Оготы, ты бы тоже не посмел в него стрелять.

Я промолчал и задумался, ибо не знал, как бы я поступил, если бы сидел там, за плетнем. Молча смотрели мы на бурого медведя с длинными когтями. Он поел и ушел на запад, в лес. Тогда подошел к нам Огота. Он ничего не сказал и даже не взглянул на нас.

— Почему ты не убил его? — спросил Хонани.

Он ничего не ответил.

— Испытания ты не выдержал. Конец охоте, — сказал я, а он кивнул головой. — Но если с тобой случилось что-нибудь неладное, ты имеешь право попытаться еще раз.

Он отрицательно покачал головой.

— Значит, мы можем идти домой, — сказал я.

Мы начали спускаться с горы. На просеке мы увидели оленей и индюков. Хонани и я выпустили несколько стрел, но ни одна не попала в цель. Вот почему мы вернулись так поздно».

Так закончил Потоша свой рассказ. Наступило молчание. Наконец Начитима обратился ко мне:

— Сын мой, через четыре дня ты пойдешь в горы и убьешь бурого медведя.

Я посмотрел на Потошу и видел, как он покачал головой. Он не одобрял этого решения. Он сам не отважился бы идти на бурого. Мог ли надеяться на успех я, неопытный стрелок! Я бранил себя за то, что бросил вызов Оготе. Мысль о предстоящей охоте приводила меня в ужас, и в ту ночь я почти не спал.

Утром, когда мы завтракали, пришел Кутова и сказал Начитиме:

— Самайо Оджки, я очень встревожен. Нашего охотника будет сопровождать Тэтиа из клана Огонь. Его избрали советчиком.

— Ха! Это лукавый человек! Ты должен следить за ним. Я знаю, он постарается сделать все, чтобы опозорить моего сына.

Тяжело было у меня на сердце. Я знал, что Тэтиа всегда меня ненавидел.

— Мы притворимся, будто видим в нем друга, но будем внимательно следить за ним, — отозвался Кутова.

Начитима пристально посмотрел на меня и сказал:

— Сын мой, ты не хочешь идти на охоту?

— Не хочу, — ответил я. — Я боюсь бурого медведя. Но как бы я его ни боялся, я знаю, что должен его убить.

— Ты хорошо сказал. Мы сделаем все, чтобы тебе помочь. Ты можешь взять мой лук и стрелы. А теперь идем! Каждое утро ты будешь упражняться в стрельбе, а вечером наш «летний кацик» расскажет тебе историю народа тэва и древние наши предания.

Мы спустились к реке — Начитима, мой брат и я. Чтобы не притуплялись наконечники стрел, мы взяли вместо мишени пук соломы. У Начитимы лук был очень тугой, и я с трудом мог его сгибать. В то утро я стрелял очень плохо. На следующий день дело пошло лучше, а утром третьего дня почти все мои стрелы попадали в цель, и Начитима остался мной доволен.

— Ты стреляешь не хуже, чем я, — сказал он.

По вечерам я ходил к «летнему кацiku», и он рассказывал мне историю народа тэва. Меня сопровождал Одинокый Утес. В первый вечер старик стал задавать нам вопросы и убедился, что мы понятия не имеем о древних преданиях тэва, но очень хотим их узнать. Вот что он нам рассказал:

— Под нами находится подземный мир, и некогда там жили тэва. Много лет назад они нашли дорогу, поднимающуюся наверх, и эта дорога привела их на землю. Выход из подземного мира находится к северу от нашего пуэбло. Когда люди поднялись на землю, было холодно и темно, и они стояли испуганные и ошеломленные. Но вскоре на небе показался наш отец Солнце и позаботился о первых тэва. Он разделил их на два народа — «летний народ» и «зимний народ» и назначил им вождей — «летнего» и «зимнего» кациков. «Зимний народ» он послал на восток — в холодные прерии, где водятся бизоны, а «летнему народу» велел идти на юг, в теплую долину Рио-Гранде. Спустя много лет «зимний народ» тоже пришел в эту долину. Чтобы тэва жили весело и счастливо, из подземного мира пришли к ним два человека, которым отец Солнце повелел быть скоморохами. Их тела были раскрашены черной и белой краской, а вместо орлиных перьев они украсили голову маисовыми листьями. Они плясали, смеялись, показывали фокусы, и с ними народ не скучал. В помощники они себе взяли пятерых тэва, и с тех пор у «летнего» и «зимнего народов» всегда были скоморохи и кацики — «летний» и «зимний». Эти двое пользуются неодинаковой властью; решающее слово всегда принадлежит «летнему

кацику», и он является старшим вождем в пуэбло. Жена Солнца — «мать Луна» — также помогала тэва и учила их охотиться и работать. Полученные сведения передавались из поколения в поколение.

Мы оба внимательно слушали старого кацика, хотя многое казалось нам смешным. Очень хотелось мне быть принятым в среду тэва, и ради этого я готов был слушать хоть до утра. Многие древние предания мне понравились.

На третий вечер старик закончил свой рассказ и сказал нам, что теперь мы настоящие тэва и знаем не меньше, чем другие жители пуэбло. Я очень обрадовался и открыл ему свое заветное желание: я хотел стать членом Патуабу. Старый кацик улыбнулся и ответил:

— Хорошего охотника принимают в Совет воинов. Смелый воин становится военным вождем и членом Патуабу.

— Понимаю. Дай мне указания, и я буду им следовать! — воскликнул я.

— Хорошо. Путь будет тебе указан. Но помни, что тебя ждут тяжелые испытания, — ответил он.

Когда мы вернулись домой, на крыше перед нашим домом я увидел Чороману. Она ждала меня.

— Завтра ты уйдешь, — сказала она. — О, будь осторожен! Поступай так, как посоветует тебе мой отец. Не прислушивайся к советам этого злого Тэтиа. Он думает только о том, чтобы повредить тебе.

— Тэтиа не причинит мне зла, я его знаю, — сказал я.

— Сегодня на закате солнца Огота вышел на Северную площадь в первый раз с тех пор как вернулся, и знаешь, что он сказал? — продолжала она. — Он сказал, что нарочно не убил медведя. Хотел доказать, что ты трус и убежишь, как только увидишь, какой этот медведь большой и страшный. А тогда он, Огота, вернется со своими советчиками и убьет его.

— Огота боялся показаться на площади, пока не придумал этой сказки. А думал он долго.

— Да, но многие ему верят.

— Члены тайного совета Патуабу знают всю правду, и мне нет дела до того, что думают другие.

— Уампус! * О, мой будущий муж! Как я боюсь за тебя! Ты будешь осторожен? Обещаешь?

* Здесь рассказчик впервые назвал свое имя — Уампус, что означает «У подножия» (у подножия горы он был взят в плен). Тэва, а также индейцы других племен редко произносят вслух свои имена (Прим. авт.).

— Да.

Она прижалась ко мне, и, обнимая ее, я поклялся беспрекословно следовать советам Кутовы. Келемана крикнула нам, что ужин готов, и мы вошли в дом.

Начитима и Кутова сидели в комнате, обращенной на запад, и вели тихую беседу. Я знал, что они говорят обо мне и о предстоящей охоте. Келемана позвала их ужинать, и они присоединились к нам. Кутова зорко посмотрел на меня — я сидел рядом с Чороманой, — потом отозвал девушку в дальний угол комнаты и что-то ей шепнул. У меня сжалось сердце: я боялся, что он недоволен нашей дружбой.

Вдруг за моей спиной раздался голос Чороманы:

— Охотник, закрой глаза! Сейчас же закрой глаза!

Я повиновался и почувствовал, что она надевает мне что-то на шею.

— Теперь смотри! — крикнула она.

Я открыл глаза. Чоромана надела мне на шею ожерелье из бирюзы; я посмотрел на подвеску. Это было изображение горного льва, считавшегося у тэва священным животным, покровителем охоты.

Я вскочил и повернулся к ней.

— Как! Ты даешь мне этот талисман?

Она кивнула; губы ее дрожали; казалось, она не могла говорить. За нее ответил Кутова.

— Да, она дает его тебе. Это ее талисман. Ее дед из клана Канг, бывший некогда нашим Самайо Оджки, подарил ей этот талисман и дал наказ, о котором скажет тебе она сама.

Улыбаясь, он переглянулся с Начитимой и Келеманой.

— Отец, не сейчас! — воскликнула Чоромана. — Я скажу ему позднее.

— Поступай, как хочешь, — ответил он.

Как я был счастлив, получив от Чороманы ожерелье! От радости я почти ничего не ел за ужином. Потом Начитима и Кутова спустились в киву, а Келемана с моим братом пошла за водой. Мы остались одни.

— Теперь скажи мне, — попросил я.

— Мой дед горячо меня любил, — начала она. — Давая мне этот талисман, он сказал: «Я даю тебе его с одним условием: когда ты вырастешь, ты поступишь так, как я тебе сейчас скажу. — «Хорошо», — согласилась я. — «Повторяй за мной слова клятвы, — продолжал он. — Обе-

щаю моему старому деду, который горячо меня любит, что я никогда не выйду замуж за недостойного человека. Обещаю, что спутником моей жизни будет человек храбрый, добрый, великодушный и работающий. Когда я найду такого человека и узнаю, что он меня любит, я отдам ему талисман священного льва и помогу ему сделаться вождем в нашем пуэбло».

Вот что сказала мне Чоромана, когда мы сидели вдвоем возле очага. Если бы ты знал, как глубоко взволновали меня ее слова! С трудом я выговорил:

— Из всех юношей этого пуэбло ты выбрала меня, человека другого, враждебного вам племени?

— Не все ли равно, кем ты был! — воскликнула она. — Теперь ты тэва!

— Да, да! Теперь я тэва!

Она отвернулась и стала смотреть на огонь, нервно перебирая пальцами бахрому платья. Потом взглянула на меня и снова отвернулась. Я понял, что она хочет что-то мне сказать.

— Что такое? Ты о чем-то умолчала?

— Да. Мой дед заставил меня повторить слова клятвы: «Обещаю, что я не выйду замуж за моего избранника, пока он не сделается членом Патуабу».

— Ну, что ж! Мы оба знаем, что друг другу мы будем верны. Мы можем подождать. Не забудь, что и тебе и мне только семнадцать лет, — напомнил я ей.

— Да. А пока Келемана позволит мне заботиться о тебе. А завтра... завтра ты пойдешь искать этого страшного медведя! О, мой будущий муж!

— Подумай, какое будет счастье, если я найду его и убью! После этого первого испытания мне легче будет стать членом Патуабу. Как я рад, что бросил вызов Оготе.

— О, если бы тебе удалось выдержать испытание! — воскликнула она, сжимая руки.

Послышались шаги Келеманы и брата, и больше мы не сказали ни слова.

VI. КОНЕЦ ОХОТЫ

На следующее утро мы встали очень рано, а на восходе солнца пришли Кутова и Чоромана и позавтракали вместе с нами. Когда мы поели, явился Тэтия и, усмехаясь, остановился в дверях.

Втроем мы вышли из пуэбло. Впереди шел Кутова, за ним я, а за мной по пятам следовал Тэтия. Я чувствовал, что он обжигает меня злобным взглядом. Всю дорогу он молчал, а к полудню мы вышли на просеку. Здесь мы нашли обглоданные кости животных, убитых нами во время последней большой охоты. Тэтия предложил остаться здесь и посмотреть, не придет ли сюда большой бурый медведь. Но Кутова возразил, что не стоит понапрасну тратить время — медведь эти последние дни питался тушей оленя, убитого Потошей, и мы должны

пойти туда и посмотреть, все ли он съел. Когда мы шли к подножию горы, нам попадались на пути олени, лоси и дикие индюки, а в конце просеки мы после недолгих поисков нашли то место, где не так давно лежала туша. Медведь и другие хищники сожрали ее; остались от нее только обрывки шкуры да обглоданные кости. Тогда Кутова сказал, что нам остается сделать только одно: убить другого оленя или лося и ждать, не придет ли бурый на новую приманку. Тэтиа тотчас же согласился.

Два дня охотились мы на просеке, и наконец Кутова, который захватил с собой ружье, подстрелил большого лося. Все это время Тэтиа только и говорил, что о страшной силе и жестокости бурых медведей, припоминал, скольких тэва они растерзали или искалечили. Эти разговоры он вел для того, чтобы запугать меня. А я был испуган, я трусил так, что при одной мысли о бурых медведях меня начинало тошнить.

Кутова подстрелил лося на южном склоне горы Обсидиан; раненое животное пыталось убежать, но пало на широкой просеке, спускавшейся к южному каньону. Лось лежал на середине просеки, на расстоянии ста шагов от леса, где журчал ручей. Когда мы потрошили животное, Тэтиа сказал, что он очень беспокоится и жалеет меня: лес очень далеко, и если первая стрела не убьет, а только ранит медведя, зверь догонит меня и растерзает на части раньше, чем я успею добраться до леса и влезть на дерево. На это мы не ответили ему ни слова.

Кутова предложил поставить плетень, за который я должен был спрятаться. Тэтиа стал возражать: не стоит тратить время и силы, плетень мы поставим, когда убедимся, что бурый нашел тушу. Но Кутова настоял на своем. Так как ветер дул с запада, плетень мы поставили к востоку от туши, шагах в пятнадцати от нее. Тэтиа отказался нам помочь, а когда мы хотели протащить куски мяса на восток, чтобы медведь нашел тушу по нашему следу, он заявил, что мы можем обойтись без его помощи, а он вернется в наш лагерь и приготовит ужин.

Мы расстались. Кутова и я пошли на восток, волоча по траве огромные куски мяса, а Тэтиа повернул на север. Когда мы вошли в лес, Кутова остановился и сказал:

— Тэтиа пойдет на все, чтобы помешать тебе. Прикрытие он хотел поставить позднее, чтобы бурый, придя

во второй раз к туше, увидел плетень, которого раньше не было. Тогда медведь мог бы встревожиться, броситься к плетню и растерзать тебя раньше, чем ты успеешь натянуть тетиву. Вернемся на опушку леса и посмотрим, что он делает.

Мы спрятались в кустах и стали ждать. Тэтиа не было видно, но вскоре он вышел на просеку и направился к убитому оленю. В нескольких шагах от него он остановился и опустил на колени; высокая трава закрывала его до пояса. Он наклонился, и нам показалось, что он роет яму. Потом он встал, расправил примятую им траву и пошел на север, по направлению к лагерю. Тогда тронулись в путь и мы.

— Хорошо, что мы вернулись и выследили его, — сказал Кутова.

— Что он там делал? — спросил я.

— Я догадываюсь, но еще не уверен. Мы все узнаем, когда вернемся на просеку.

У подножия горы мы повернули на север, дошли до каньона, потом свернули на запад и наконец снова вышли на просеку. Отыскав то место, где стоял на коленях Тэтиа, мы нашли пару старых мокасинов, прикрытых сухими листьями, ветками и травой.

— Я так и знал! Запах человека с подветренной стороны! — воскликнул Кутова.

Я посмотрел на него, потом перевел взгляд на мокасины. Он догадался, что я ничего не понимаю, и стал объяснять.

— Бурые медведи обычно избегают людей и на них не нападают. Только когда ранены или удивлены, они приходят в бешенство. Запах, оставленный здесь нами, скоро рассеется, но запах спрятанных поблизости мокасинов будет держаться несколько дней. Тэтиа надеялся, что бурый, почуяв запах человека, повернет назад и больше никогда сюда не придет. Вот почему он спрятал здесь свои старые мокасины.

— Отдай их мне! — попросил я. — Я покажу их ему и скажу все, что я о нем думаю.

Я дрожал от гнева.

— Нет, он не должен знать, что мы его выследили. Эти мокасины я спрячу за пазуху, а когда мы вернемся в пуэбло, отдам их ему при свидетелях.

Когда мы подошли к лагерю, Кутова еще раз по-

советовал мне молчать и делать вид, будто мы ничего не знаем.

Тэтиа нас ждал. За это время он успел поджарить мясо, достать из дорожного мешка майсовые лепешки и принести воды. Пока мы ели, Тэтиа болтал без умолку. Никогда еще мы его не видели таким веселым и разговорчивым. С трудом удерживался я, чтобы не сказать ему: мы знаем, почему ты весел, знаем, что тебя так обрадовало!

Рано утром мы отправились на просеку и увидели, что лосиная туша еще не тронута. На закате солнца мы снова пошли туда, медведя не было; хищные птицы кружили над мясом. Тэтиа не мог скрыть улыбку.

Солнце высоко стояло на небе, когда на следующее утро мы поднялись на склон горы и, посмотрев вниз, увидели что часть туши съедена. Тэтиа сердито нахмурился, не понимая, почему запах спрятанных мокасинов не спугнул хищника. Кутова посмотрел на меня и засмеялся, но мне было не до смеху. Настала минута, когда я должен был спуститься на просеку, спрятаться за плетнем и ждать возвращения страшного зверя.

— Ну, теперь мы пойдем туда и осмотрим тушу, — сказал Тэтиа.

— Нет! — воскликнул Кутова. — Хищник почует запах человека, если мы подойдем к лосю. Наш молодой охотник один спустится вниз, а мы с тобой останемся здесь, на склоне горы.

Тэтиа не сказал больше ни слова. Взяв лук и четыре стрелы, я стал спускаться на просеку, а Кутова крикнул мне вслед:

— Сын мой, будь храбрым!

Как я хотел, чтобы до плетня нужно было идти несколько часов, целый день! Чем ближе я к нему подходил, тем медленнее шел. Наконец я спрятался за прикрытием и посмотрел на убитого лося. Задние его ноги были объедены, и я понял, что только гигантский медведь может столько съесть за одну ночь.

Мое прикрытие имело в длину около двух шагов. Внизу еловые ветви были густо переплетены, но вверх между ними оставались широкие просветы, через которые я должен был стрелять. Медведь видит плохо — это всем известно. Кутова уверял, что бурый меня не заметит, если я не буду делать резких движений.

День тянулся бесконечно долго. Я садился, вставал, ложился, снова вставал. Когда солнце склонилось к за-паду, я встал, выпрямился во весь рост и стал смотреть на просеку. Днем ветер дул с запада, потом подул с юга. Наконец солнце скрылось за горой Обсидиан. Скоро стемнеет, и нельзя будет стрелять. Значит, я еще один денек проживу на свете!

Я стоял не спуская глаз с лося. Вдруг южный ветерок донес до меня сильный неприятный запах, и в то же время я услышал шелест травы: Я повернулся, посмотрел налево и увидел бурого. Он шел мимо моего плетня. Затаив дыхание, я не смел пошевелинуться. Медведь направился к туше, но на полпути остановился и потянул носом воздух. Ко мне он повернулся своей огромной широкой спиной. Я был словно в полузабытьи. Почти ничего не сознавая, я поднял лук, прицелился и выстрелил. Зазвенела тетива. Глухо рыча, медведь припал к земле, потом повернулся и двинулся на плетень; задние его лапы волочились по траве. Часто приходилось мне подстреливать таким образом кроликов, и я сразу понял, что произошло. У медведя поврежден позвоночник! Теперь чудовище мне не страшно!

— Кутова, Кутова! Сюда! — крикнул я, выскакивая из-за плетня.

Я подбежал к медведю. Он старался повернуться ко мне мордой, но я оказался проворнее и вонзил одну за другой три стрелы ему в бок. Третья стрела его прикончила. Передние лапы подогнулись, и он уткнулся мордой в траву. Прибежал Кутова.

— Ты убил его! — воскликнул он.

Он обнял меня и прижался щекой к моей щеке. В это время подошел Тэтиа, посмотрел на убитого медведя, но не сказал ни слова.

Кутова повернулся к нему.

— Видишь, Тэтиа, наш молодой охотник выдержал испытание. Мы ему не помогали, он один убил это чудовище. Вот оно лежит! Ты можешь подтвердить, что мы не нарушили правил охоты.

— Да, но это несправедливо, — сказал Тэтиа. — На-ваху помог талисман, а у Оготы талисмана не было. Вот почему победителем вышел навах!

— Ты сам знаешь, что будь он трусом, никакой талисман ему бы не помог.

— А все-таки это несправедливо, потому что у Оготы не было талисмана,— повторил Тэтиа.

— Можешь ли ты поклясться, что не пытался помешать нашему молодому охотнику?

— Да, конечно!

— Возьми то, что тебе принадлежит.

С этими словами Кутова достал из-за пазухи пару старых мокасинов и протянул их Тэтиа.

Тот смутился, опустил голову и замолчал.

— Уже поздно,— сказал Кутова.— Пока не стемнело, мы должны выпотрошить медведя. Тогда шкура не испортится, а завтра утром мы придем за ней.

Мы принялись за работу, а Тэтиа стоял поодаль, нахмуренный и недовольный. Немного спустя он сказал, что пойдет домой, так как больше ему нечего здесь делать.

— Хорошо, ступай. И расскажи друзьям, что молодой охотник убил большого бурого медведя,— отозвался Кутова.

Тэтиа пошел на восток, по направлению к пуэбло, и вскоре скрылся из виду.

Через несколько минут, запыхавшись, он прибежал назад и объявил, что он едва не наткнулся на отряд навахов. Их было человек сто, и шли они прямо на восток, к нашему пуэбло Покводж. Услышав это, я пришел в ужас и перестал радоваться удаче.

— Кутова! — крикнул я.— Мы должны сейчас же вернуться в Покводж и предупредить о надвигающейся опасности.

— А добычу ты хочешь оставить, чтобы она здесь сгнила? Нет! Сначала мы сдерем шкуру, повесим ее на дерево и тогда только отсюда уйдем. Ночь длинная, на рассвете мы будем дома.

Мы сняли шкуру, дотащили ее до леса и повесили на шест, который укрепили между двумя деревьями. Потом мы начали спускаться с горы, а луна освещала нам путь. Шли мы быстро, придерживаясь опушки леса. Было еще темно, когда мы спустились к реке. Здесь мы связали вместе два бревна, положили на них нашу одежду и оружие и, бросившись в воду, поплыли, подталкивая маленький плот. Так переправились мы через реку.

Забрезжил свет, когда мы подошли к Покводжу и разбудили сторожей, дремавших у ворот. Мы с Кутовой

побежали на Южную площадь, где жил военный вождь, и рассказали ему об отряде навахов, шедших на пуэбло.

Он вышел из дома и стал созывать воинов в киву, а я по лестнице вскарабкался на крышу, где меня встретили родные.

— Ну, что, сын мой? — спросил Начитима.

Я протянул ему руки.

— Видишь — на моих руках кровь и жир бурого медведя.

Все обнимали меня и хвалили. Вскоре прибежала к нам Чоромана, которая узнала от отца о моей победе. Плача и смеясь, она обняла меня, потом подошла к краю крыши и крикнула, обращаясь к воинам, запрудившим площадь:

— Мой будущий муж храбрый человек! Он убил большого бурого медведя с длинными когтями. Я горжусь тем, что буду его женой!

Снова и снова повторяла она эти слова, а воины, встревоженные вестью о приближении врага, приостанавливались, смотрели на нее и улыбались. Одни кричали: «Хорошо, хорошо!» Другие поднимали руки к небу и восклицали: «Да будет жизнь твоя счастливой!».

— Военный вождь нас зовет. Я должен идти, — сказал Начитима.

— Я пойду с тобой, — вызвался я.

— Нет! Сначала ты отдохнешь. Позже, быть может...

И он стал спускаться с лестницы.

Меня увели в дом, усадили, заставили умыться и поесть. Снова и снова я должен был им рассказывать, как бурый прошел мимо моего плетня, как он заревел и упал, когда стрела вонзилась ему в спину.

— А что делал Тэтиа? — спросил Одинокый Утес.

— И он и Кутова стояли неподалеку. Он видел все.

Больше я не прибавил ни слова. Мы с Кутовой пожалели Тэтиа и условились не упоминать о спрятанных мокалинах.

Я очень устал, глаза слипались. Келемана и Чоромана заставили меня лечь, укрыли одеялом, и я заснул; проснулся только к вечеру, когда меня позвали ужинать. Пришел брат и сказал, что военный отряд навахов к нашему пуэбло не подходил, и никто его не видел. Наши воины спрятались в маисовых полях и решили сторожить

всю ночь, а лошадей, которые паслись на лугу, пригнали ближе к пуэбло.

Когда стемнело, лошадей привели на Северную площадь; первая смена воинов пришла в пуэбло. Здесь они отдохнули и снова ушли в поля, а в пуэбло вернулась вторая смена. Ночь прошла спокойно. Рано утром военный вождь послал разведчиков выследить врага. Выяснилось, что ночью навахи в низовьях реки переправились на другой берег и двинулись на восток. Вероятно, они задумали напасть на одно из племен, кочующих в прериях.

Два дня спустя, когда мы убедились, что Покводжу опасность не угрожает, Начитима, Келемана, брат и я оседлали лошадей и поехали на просеку за медвежьей шкурой. Мы нашли ее там, где оставили. Шкура была еще мягкая, так как с внутренней стороны ее покрывал толстый слой жира. Когда мы вернулись в деревню, на Южной площади собрался народ; всем хотелось посмотреть шкуру. Наконец Келемана и Чоромана разостлали ее на земле. Наш «летний кацик», стоявший подле меня, объявил, что он никогда еще не видел такой длинной и широкой шкуры и таких огромных когтей.

— Срежь когти, сделай из них ожерелье и всегда носи его на шее,— сказал он мне.— Ты заслужил его. Убить бурого медведя значительно труднее, чем одержать верх над команчем или другими врагами.

Я повиновался, отрезал когти и унес их домой.

Вечером Начитима мне сказал, что в Огапиходже — это селение испанцы называют Санта-Фе — можно обменять шкуру на ружье. Через несколько дней шкура была высушена, и мы понесли ее в Огапиходж. Я еще ни разу не был в пуэбло белых людей, и все меня удивляло. Дома были очень высокие, на улицах толпился народ. Мы вышли на площадь и расстелили на земле шкуру. Тотчас же нас окружили белые торговцы. Одни предлагали за нее ружье, другие — порох. Какой-то испанец обещал дать несколько бочонков с огненной водой. Я не знал, что это такое, и вопросительно посмотрел на Начитиму, но он нахмурился и сердито покачал головой. Позже он мне объяснил, что испанцы всегда предлагают индейцам огненную воду, которую называют виски. Но от виски люди заболевают, слабеют и скоро умирают, а испанцам это на руку, так как они давно уже хотят завладеть всей нашей страной. Наконец я продал шкуру

одному белому торговцу, который дал мне за нее ружье, бочонок пороха и две красивые шали. Эти шали я подарил Келемане и Чоромане.

Спустя несколько дней меня позвали в киву «летнего народа». Там собрались все члены Патубу и несколько воинов. Военный вождь обратился ко мне с такими словами:

— Ты убил большого бурого медведя с длинными когтями. Теперь мы знаем, что ты храбр и не ведаешь страха. Вот почему мы предлагаем тебе войти в Совет воинов. Но ты должен поклясться, что будешь беспрекословно повиноваться твоему военному вождю и не щадя жизни защищать от врагов жителей нашего пуэбло и все другие пуэбло тэва. Обещаешь ли ты это исполнить?

— Да, клянусь! — ответил я.

Тогда главный шаман пуэбло заставил меня опуститься на колени и, заклиная меня быть мужественным защитником народа тэва, помазал мне лицо и руки священной красной краской.

Так был я сделан воином тэва, и, начиная с этого дня, многие из тех, что раньше меня ненавидели, или делали вид, будто не замечают, стали приветливо здороваться со мной, когда мы встречались на улицах пуэбло или на полях. Но Огота и другие члены клана Огонь ненавидели меня еще сильнее, чем раньше. Они говорили, что военный вождь сделал промах, приняв меня в Совет воинов, а я, дав клятву сражаться, солгал, так как я — навах — никогда не стану драться с людьми моего родного племени.

Действительно, клятва, которую я дал, приводила меня в смущение. Я должен был ее сдержать и знал, что сдержу, когда настанет для меня час испытания, но больше всего на свете не хотелось мне сражаться с навахами. Часто уходил я к алтарю на Черной Мезе* и старался угадать, что готовит мне судьба.

* Черная Меза — плоскогорье, со всех сторон окруженное утесами, — находится на расстоянии мили от пуэбло Сан-Ильдефонсо. У тэва есть предание, будто некогда жил здесь в пещере великан со своей женой. Они пожирали маленьких детей и наконец были убиты тогда богами войны. В XVII веке тэва отказались подчиняться испанцам и бежали на это плоскогорье. Здесь на них напал Диего де Варгас со своими солдатами и в 1696 году сломил их сопротивление. Но и по сей день индейцы из Сан-Ильдефонсо ходят к алтарю воздвигнутому на Черной Мезе (Прим. авт.).

Вскоре после того как мы убрали маис с полей, я возвращался поздно вечером с Черной Мезы. Было уже темно, когда я вышел на Южную площадь. Вдруг кто-то меня окликнул, и по голосу я узнал Поаниу, хранительницу священной змеи.

— Это ты, Уампус? — спросила она.

— Да.

— Я давно уже тебя поджидаю. Следуй за мной.

Ни разу еще эта старуха, член Патуабу, не говорила со мной. Вообще она почти ни с кем не разговаривала. В пуэбло ее уважали и побаивались. Говорили, что она может покарать смертью человека, который навлечет на себя ее гнев.

Я растерялся и молчал, а она повторила:

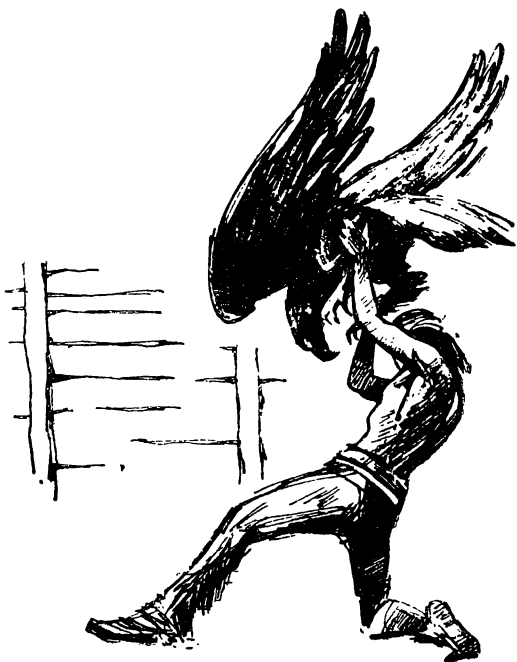
— Следуй за мной.

Я повиновался, и она привела меня к своему дому в переулке, где находились дома клана По (клан Вода). Я никогда не видел, чтобы сюда входил кто-нибудь, кроме нее. Даже члены Патуабу не переступали порога ее дома. Здесь жила священная змея. Часто я говорил, что мне бы хотелось ее посмотреть, но сейчас я думал только о том, как бы уйти. Я остановился, попытался сказать, что меня ждут дома, но почему-то не мог выговорить ни слова. Снова она повторила:

— Следуй за мной.

Дрожа и с трудом переводя дыхание, я вошел в дом, а она тотчас же завесила дверь тяжелой шкурой.

VII. ОПЕРЕНИЕ ОРЛА

В очаге догорали дрова. Старуха разгребла золу, раздула огонь и подбросила дров. Потом повернулась и приказала мне сесть. Я окинул взглядом низкую узкую комнату и заметил в дальнем ее конце дверь, заставленную решеткой из ивовых прутьев. Старуха поймала мой взгляд и, кивнув мне, сказала:

— Да. Там, за решеткой, находится священная змея.

Не успела она выговорить последнее слово, как змея подползла к решетке и подняла голову. Я не верил своим глазам — это голова была величиной с два моих кулака! Змея поднималась все выше и выше; казалось, она обнюхивает решетку и ищет выхода. Никогда еще я не видел такой толстой и длинной змеи. Молча смотрел я на нее, старуха тоже молчала. Наконец змея соскользнула

на пол и медленно уползла в темноту. Тогда только Поаниу заговорила:

— Юноша, лишь очень немногие, кроме членов Патуабу, видели священную змею. Тебя я привела сюда и разрешила ее увидеть потому, что ты совершил великий подвиг, убив большого бурого медведя. Ты храбр и сумеешь оказать мне услугу. Я знаю, ты достанешь то, что мне нужно.

— А что же тебе нужно? — спросил я, когда она умолкла.

— Орлиные перья и пух для молитвенных палочек. Мой запас истощился. Я хочу, чтобы ты поймал орла и принес мне его перья.

— Но я никогда не ловил орлов. Я не знаю, как...

— Ты скоро узнаешь, как это делается. Наш Самайо Оджки — твой добрый отец Начитима — все тебе расскажет, и ты пойдешь к западне священной змеи на развалинах пуэбло Тонкое Дно.

Я ничего не понимал.

— Какая западня? Где находятся развалины пуэбло? — с недоумением спросил я.

— Начитима все тебе объяснит, — нетерпеливо перебила она. — Обещаешь ли ты сделать это для меня?

— Да, постараюсь, — ответил я.

— Хорошо. Я знаю, что ты добьешься успеха. Не забудь, что я член Патуабу и, следовательно, могу тебе помочь. Хотя я одинокая старуха, но мне известно все, что происходит в нашем пуэбло. Я знаю, о чем ты говорил не так давно с твоей доброй матерью Келеманой: ты сказал, что хочешь сделаться членом Патуабу. Тогда я впервые посмотрела на тебя внимательно. А теперь ступай. Я должна идти к священной змее.

Смущенный я вышел и поспешил домой. Мне хотелось рассказать обо всем Начитиме. И он и Келемана очень обрадовались; по их словам, Поаниу оказала мне великую честь, поручив достать орлиные перья. Они решили проводить меня до развалин пуэбло, где находилась западня священной змеи, а Начитима обещал рассказать мне все, когда мы туда придем.

Два дня спустя мы вышли из пуэбло. Кроме нашего семейства, в путь отправились Кутова с женой и Чороманой, Потоша, его жена и наш старый «летний кацик» с женой. Мы переправились через реку, спустились в до-

лину и стали подниматься по старой «тропе древних людей», которая вела к заросшему лесом плоскогорью.

Было после полудня, когда, поднявшись на высокую скалу, мы посмотрели вниз и увидели развалины пуэбло, которое на языке индейцев кверис называется Тиуони. Тэва называли его пуэбло Тонкое Дно, потому что некогда жившие здесь гончары выделывали глиняную посуду с очень тонким дном*. Внизу на северном склоне узкой долины виднелись полуразвалившиеся дома и развалины нескольких кив. С горы сбегал ручей, который некогда орошал маисовые поля древнего народа.

Начитима сказал мне, что с того места, где мы стоим, видна лишь часть развалин. По узкой тропинке, извивавшейся между скалами, мы спустились в долину, и я увидел вырытые в белых скалах пещеры, в которых много лет назад жили люди. Одна пещера находилась над другой, и скалы походили на трехэтажные дома.

Наш кацик повел нас в большую пещеру, находившуюся в стороне от пуэбло, и сказал, что она будет служить нам жилищем. Мы оставили здесь нашу поклажу — одеяла и съестные припасы, а я, подойдя к старику-кацику, спросил, почему люди покинули это пуэбло и кто обратил его в развалины.

— Много лет назад, — сказал мне кацик, — здесь, в этой долине, и других горных долинах жили наши предки тэва. Конечно, и потомки их остались бы здесь, если бы не напали на них навахи и апаши. Эти дикие племена пришли с севера и стали воевать с мирным народом тэва. С горных вершин они стреляли в людей, работавших на поле, сбрасывали с гор каменные глыбы на дома, лепившиеся у подножия скал. Кончилось тем, что тэва вынуждены были уйти отсюда. Вот почему эта плодородная долина стала необитаемой.

— Горько мне думать, что навахи мое родное племя! — воскликнул я.

— Но теперь ты тэва, настоящий тэва! — перебила меня Келемана.

* Пуэбло Тиуони по-испански называется Эль-Рито-де-Лос-Фрихолес. Некогда здесь жили индейцы племени кверис, но они покинули это селение за несколько сот лет до того, как оно было открыто белыми. Первым исследовал эту местность Адольф Банделье, и в наше время там производятся раскопки. Ежегодно сюда являются сотни туристов (*Прим. авт.*).

— Да, и ты и Одинокый Утес стали настоящими тэва,—сказал старый кацик.—Я знаю, что вы оба никогда не будете обижать мирных, работающих людей.

Одинокый Утес улыбнулся и закивал головой, и у меня тоже стало легче на душе.

Кутова, Потоша и брат пошли на охоту, а я с Начитимой и «летним кациком» отправился в киву Оперенной змеи, выстроенную древним народом в большой пещере. Крыша кивы давно провалилась, часть стены рухнула, но кое-где еще сохранились изображения Оперенной змеи и отца Солнца, нарисованные на стене красной и желтой красками.

Старый кацик остался в киве, а я с Начитимой поднялся по узкой крутой тропинке на вершину скалы. Здесь у самого края пропасти находилась западня для орлов. Это был четырехугольный сруб из подгнивших сосновых бревен; ветром давно снесло с него крышу. Мы остановились в нескольких шагах от сруба, и Начитима сказал мне, что это и есть западня Поаниу — хранительницы священной змеи. Здесь — и только здесь, над кивой Оперенной змеи,— ловят орлов для Поаниу. Эта обязанность считается почетной,—продолжал Начитима,—и он и Келемана гордятся тем, что старуха поручила это дело мне.

Мы покрыли сруб новой крышей из тонких палок, хвороста и травы, а Начитима подробно рассказал мне, что нужно делать, чтобы поймать орла. На закате солнца мы спустились в долину и вернулись в старую пещеру. Наши охотники убили оленя, и мы поели оленьи и маисовых лепешек.

Начитима разбудил меня незадолго до рассвета. Взяв ружье, я вместе с ним отправился в путь и на склоне горы убил большого индюка. Потом мы поднялись на скалу, где находился сруб, и крепко-накрепко привязали индюка к средней палке крыши. После этого Начитима разрезал ему грудь, обнажив сердце, и помазал кровью его перья. Отодвинув хворост, я влез в западню, а Начитима снова прикрыл отверстие ветками и, пожелав мне успеха, удалился.

Сквозь просветы в крыше виднелось небо, а между бревнами в срубе были щели, и я мог смотреть вниз, в долину. Вскоре я увидел Келеману и Чороману; они

вышли на опушку леса, сели на берегу ручья и посмотрели вверх, на сруб. Еще накануне они мне обещали прийти сюда и ждать, пока мне не посчастливится поймать орла. Внезапно я почувствовал прилив любви к ним обоим. Я был уверен, что нет на свете женщин добрее и великодушнее, чем моя мать и будущая моя жена. И они меня любили — это я знал. И был счастлив. Мне захотелось стать достойным их любви, ради них совершить великие подвиги.

Каркая, прилетел ворон, опустился на крышу сруба, посмотрел на индюка и направился к нему. Я просунул в отверстие тонкую палочку, которую дал мне Начитима, и ударил ею птицу. Испуганный ворон вспорхнул и перелетел на ветку сосны, которая росла неподалеку. Оттуда он посмотрел вниз, на крышу сруба, словно старался угадать, кто его ударил. «Кра, кра!», каркал он, и вид у него был такой глупый, что я невольно расхохотался. Через несколько минут он вернулся — видно, очень хотелось ему полакомиться индюком. Тогда я сильно ударил его палочкой, и он быстро улетел. На сруб опустились сарычи и еще несколько серых хищных птиц, но ни одной из них я не позволил отведать лакомого кушанья. Они улетели и уселись на ветви деревьев, которые росли у края пропасти. Я слышал, как они сердито кричали, словно спорили, кому из них лететь к срубу, чтобы узнать, кто их прогнал. Наконец одна из птиц — должно быть самая смелая — снова опустилась на сруб, но я больно ударил ее палкой, и больше она не повторяла своей попытки.

Эта возня с птицами меня позабавила и сократила часы ожидания. Было около полудня, когда над моей головой раздался какой-то гул. Начитима меня предупредил, что этот шум возвещает приближение орла. Потом все стихло, и я увидел, что на край крыши опустилась большая птица. Это был орел. Сначала он сидел неподвижно. Мне было плохо видно его, но я догадывался, что он смотрит на индюка. Я затаил дыхание. Я боялся, что он услышит биение моего сердца. Со мной было мое ружье, и я мог бы легко его пристрелить, но Начитима объяснил мне, что тогда Поаниу не возьмет перьев. Орла я должен поймать живым и потом задушить. Я весь дрожал, пот лил с меня градом. Я пристально смотрел в отверстие крыши и ждал удобного случая.

Орел встрепенулся, и перья его зашуршали. Неуклюже зашагал он по крыше. Я не спускал с него глаз. Подойдя к индюку, он остановился и сильным острым клювом оторвал кусок мяса. Стараясь не шуметь, я поднялся на ноги, осторожно просунул обе руки в щель между двумя палками и схватил орла за лапы, повыше когтей. Он распростер крылья, пытаясь улететь, и едва не оторвал меня от земли. Хворост и трава, служившие крышей, разлетелись в разные стороны, и я притянул к себе орла. Он размахивал крыльями, царапая мне руки, и пытался выклевать мне глаза. Не успел я опомниться, как он клюнул меня в подбородок. Смотри! — Шрам остался у меня на всю жизнь.

Я и не подозревал, что орел может оказаться таким опасным противником. Силы мои иссякли. Но огромная птица уже лежала на земле у моих ног. Я придавил ее коленами и не вставал, пока она не перестала дышать. Тогда я перебросил ее через стенку сруба и вылез из западни. Задышавшись, я упал на землю у края пропасти.

Крича, размахивая руками, Келемана и Чоромана бежали к скале. За ними шли мужчины. Я взвалил орла на спину, взял ружье и, шатаюсь, зашагал по тропинке им навстречу. Старый кацик взял из моих рук птицу, осмотрел ее оперение и не нашел никаких недостатков. Все меня хвалили. У меня сильно болел подбородок, но я был так счастлив, что забывал о боли. Кацик объявил, что он сам снимет оперение и от моего имени передаст его Поаниу. Я очень обрадовался, так как Начитима обещал мне пойти на охоту.

Мы все вернулись в пещеру, где остались наши пожитки. Женщины приготовили маисовые лепешки и жирную оленину. Когда мы поели, Келемана и Чоромана сказали, что они боятся оставаться здесь одни, пока мы будем охотиться. Тогда Начитима предложил им идти с нами, а «летний кацик» попросил нас подождать, пока он снимет оперение. Пока мы отдыхали, он начал осторожно сдирать кожу с орла, стараясь не помять перьев. Вдруг где-то неподалеку раздались громкие голоса. Быстро схватили мы наши ружья и выползли из пещеры, чтобы узнать, кто идет. С первого же взгляда мы узнали индейцев из нашего пуэбло; их было человек сто мужчин и женщин.

Их привел военный вождь Огоуоза — Облачная Ветвь, который узнал, что Начитима ушел в пуэбло Тонкое Дно. Наши воины хотели идти на охоту, и Огоуоза просил Начитиму отправиться на следующий же день. Решено было начать охоту утром на склоне горы Обсидиан. Начитима взял свой мешок с молитвенными палочками и ушел в дальнюю пещеру, чтобы ночь перед охотой провести в уединении.

Вечером я заметил, что Чоромана задумчива и грустна.

— Что с тобой? — спросил я.

Она ничего не ответила, и я не стал настаивать. Но когда я поужинал и вышел из пещеры, она последовала за мной. Мы уселись на земле под нависшей скалой, и Чоромана шепнула мне:

— Мой будущий муж! Огота меня пугает.

— Что он сделал? — спросил я.

— Смотри...

Она протянула мне руку, и я увидел большой синяк чуть-чуть повыше локтя.

— Я собирала хворост на берегу ручья; он подошел ко мне, схватил за руку и зашипел: «Эй, ты! В последний раз я тебе говорю: брось эту собаку-наваха! Я, Огота, буду твоим мужем!» Он хотел еще что-то сказать, но в это время к ручью спустились женщины. Огота до боли сжал мне руку, повернулся и ушел.

Я задрожал от гнева.

— Этому нужно положить конец!

Я хотел было встать, но она удержала меня:

— Нет! Нет! Не ходи к нему! О, зачем я тебе сказала? Я знаю, что Огота не может причинить мне зла. Больше мы никогда не встретимся с ним наедине. Подумай, что будет, если ты отдашься гневу и убьешь его! Его друзья убьют тебя, а мой отец, Начитима и Потоша захотят отомстить. О, неужели ты не понимаешь, что должен держаться от него подальше?

Это я понимал и обещал сегодня не говорить с Оготой, но добавил, что проучу его, если он посмеет снова ее обижать.

— Чоромана, — сказал я, — этому можно положить конец. Пойдем к твоим родителям, скажем им, что я хочу быть твоим мужем, а ты — моей женой. Тогда Огота не посмеет тебя тронуть.

— О, если бы мы могли это сделать! Но ты забыл о клятве, которую я дала моему деду. Этой клятвы я не нарушу, да и моя мать не согласится, чтобы я стала твоей женой, пока ты не вошел в Патуабу.

— Но зачем, зачем старик взял с тебя эту клятву?

— Он очень меня любил. Вот почему ему хотелось, чтобы мой муж был великим человеком и вождем в нашем пуэбло.

— Тяжело у меня на сердце. Кажется мне, что не миновать нам беды,— сказал я.

Ночь спустилась в долину. В пещере развели костер, мы встали, и Чоромана шепнула мне:

— Не бойся. Быть может нас ждет немало тяжелых испытаний, но я уверена, что все уладится.

В ту ночь я почти не спал. На рассвете вернулся Начитима и, переговорив с Огоузой, объявил, что пора собираться на охоту.

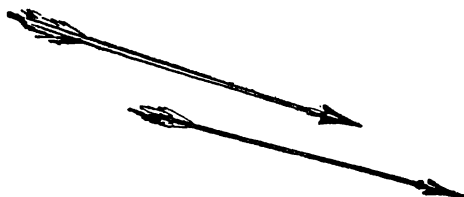
Вскоре после восхода солнца все охотники выстроились на площадке перед пещерами. Пятерым Начитима велел остаться в разрушенном пуэбло и охранять женщин, а остальным приказал следовать за ним. Включая моего брата, нас было сорок шесть человек; у двадцати четырех имелись не только лук и стрелы, но также и ружья. Мы вышли из долины и поднялись на поросшее лесом плоскогорье. Отсюда ясно видна была вершина священной горы Обсидиан. Казалось, гора находится совсем недалеко, и мы дойдем до нее задолго до полудня.

Все шли гуськом по лесной тропинке. Мы с братом старались ни на шаг не отставать от Начитимы. Вдруг Одинокый Утес наступил на развязавшийся шнурок своего мокасины и оборвал его. Пришлось остановиться и починить ремень. Я остался с братом, а остальные охотники нас обогнали. С ними был Огота, который злобно посмотрел на меня, но я сделал вид, будто не замечаю его. Я боялся встретиться с ним глазами, так как не надеялся на свою выдержку.

Вскоре мы догнали отряд, но не стали пробираться к Начитиме, а пошли сзади. На широкой просеке Начитима и Огоуза сделали остановку, но нигде не видно было ни лосей, ни оленей, и через несколько минут мы тронулись дальше. Мы с братом пересекли просеку и только что вышли на лесную тропу, как вдруг раздались выстрелы, громкие крики, и на наших охотников напал

отряд индейцев, разукрашенных перьями и разрисованных черной и красной красками. Я узнал их с первого же взгляда — это были юты — близкие друзья навахов; много раз видел я индейцев этого племени в лагере моего отца. В первую минуту я испугался, думая, что на нас напали навахи, но, убедившись в своей ошибке, очень обрадовался. Я увидел, как упали трое из нашего отряда, услышал голоса Огоуозы и Начитимы, призывавших нас стрелять в неприятеля. Я побежал вперед; брат ни на шаг от меня не отставал. Вскоре мы протеснились в первые ряды наших воинов и бросились на ютов. Военный вождь Огоуоза громко кричал:

— Вперед! Смелей! Стреляйте, стреляйте!

VIII. ДВЕ СТРЕЛЫ ПОПАЛИ В ЦЕЛЬ

Один только раз видел я, как люди сражаются и убивают друг друга, и это зрелище показалось мне отвратительным. Было это в тот день, когда тэва взяли меня в плен. Сейчас я сам участвовал в битве, но снова испытывал отвращение, хотя и был очень взволнован и возбужден.

Мы начали стрелять в неприятеля, находившегося шагах в пятидесяти от нас, и подстрелили несколько человек, но остальные продолжали наступать. Я понял, что не успею снова зарядить ружье раньше, чем они подойдут к нам вплотную, и, следовательно, смогу пользоваться им только как дубинкой. В эту минуту мой брат вскрикнул и уронил лук и стрелы. Я увидел, что у него сломана левая рука.

— Беги! Беги назад! — крикнул я ему.

Свое ружье я положил на землю, поднял брошенный им лук и снял колчан, висевший у него за спиной. Больше я не чувствовал отвращения к битве. Меня охватил гнев против этих ютов, я хотел жестоко отомстить им за обиду, нанесенную брату. Я выстрелил в одного из воинов; стрела вонзилась ему в грудь, и он ничком упал на траву. Многие юты были ранены. Шатаясь и прихрамывая, брели они в лес и прятались за деревья. Но остальные продолжали наступать. Их вел высокий стройный человек, который размахивал испанским копьем и прикрывал грудь большим щитом, украшенным орлиными перьями. Несколько стрел вонзились ему в щит. Я прицелился, изо всех сил натянул тетиву и выстрелил. Стрела вонзилась глубоко в шею. Он выронил копье и щит и обеими руками схватил древко стрелы, стараясь ее вытащить. Потом опустился на колени, покачнулся и упал на бок. Огоуоза и Начитима громко закричали и повели нас в атаку.

Потеряв вожда, юты растерялись. Видя, что мы наступаем, они повернулись и побежали в лес. Бегали они хорошо. Мы их преследовали, но догнать не могли.

Наконец наш военный вождь остановил нас. В изнеможении воины опустили на траву. Я оглянулся и увидел, что за моей спиной стоит Одинокий Утес. Здоровой рукой он сжимал ружье, из левой руки струилась кровь.

— Начитима! Иди сюда! — крикнул я. — Смотри, он ранен, рука у него сломана, и все-таки он не отставал от нас.

В эту минуту брат покачнулся, теряя сознание; я успел его поддержать и осторожно положил на землю.

Начитима, Кутова, Огоуоза и другие воины подбежали к нам. Военный вождь опустился на колени и, осмотрев руку брата, сказал Начитиме:

— Самайо Оджки, твои сыновья — храбрые юноши!

— Да, да, они храбрецы, — подхватили все остальные.

— Я благословляю судьбу, которая привела их в мой дом, — ответил Начитима.

Вместе с Кутовой он стал вправлять сломанную кость, пока брат был без сознания и не чувствовал боли. Но Одинокий Утес очнулся и сел раньше, чем рука была

перевязана. Мужественно перенес он страшную боль и даже не застонал.

У наших воинов только и разговору было, что о битве. Кто-то сказал:

— Если бы не был убит этот вождь с копьем, многие из нас погибли бы сегодня.

— Да! Их было гораздо больше, чем нас, и дрались они храбро, пока вождь был с ними. Пожалуй, они могли бы всех нас перебить.

— Не знаете ли вы, кто его убил? — спросил Огоуоза.

— Может быть, я, — сказал один воин. — Я три раза в него стрелял.

— Я видел, что он упал после того, как я в него выстрелил, — отозвался другой.

— Мы узнаем, кто его убил, когда вернемся на просеку, — вмешался третий.

Я хотел было крикнуть, что убил его я, но вовремя спохватился. Ведь в него стреляли многие, и быть может не моя стрела оказалась роковой. Мне хотелось поскорей вернуться на просеку, и я с трудом мог усидеть на месте.

Огоуоза и Потоша сделали перекличку, чтобы узнать, все ли воины налицо. Пятерых не было с нами.

— Где Тэтиа? — спросил Потоша. — Никто его не видел?

— Он убит, — отозвался кто-то. — Я видел, как он упал.

— Нет и нашего «летнего кацика»! — воскликнул Огоуоза. — Неужели и он убит?

Все мы любили старика-кацика, и весть о его смерти произвела тяжелое впечатление, но вдруг один из воинов крикнул:

— Он жив, я его видел! Он не мог поспеть за нами и присел на пень, чтобы перевести дух.

— А Огота? Его здесь нет! Он шестой!

Никто не ответил. Мы вопросительно посматривали друг на друга. Наконец кто-то сказал:

— Я его не видел с той минуты, как завязался бой.

— Я тоже! Я тоже! — подхватили остальные.

Мы не досчитались еще одного человека и решили, что в бою погибло семеро. Затем мы отправились в обратный путь, но шли медленно, так как брату трудно было за нами поспеть. Вскоре увидели мы кацика, ко-

выяввшего нам навстречу. Бедняга запыхался, старые ноги отказывались ему служить. Он был огорчен, когда узнал, что нам не удалось догнать неприятеля.

— Но все-таки вы хорошо сражались,— сказал он.— Я горжусь вами, храбрые мои тэва!

За несколько шагов до просеки мы увидели на тропинке двух убитых ютов, а на просеке лежало много трупов. Мы внимательно их осмотрели. Убито было одиннадцать ютов и пять тэва. Оготы мы не нашли.

— Быть может его ранили, и он спрятался в лесу,— предположил кто-то из нас.

Мы обступили тело убитого вождя ютов, и Огоуоза вытащил стрелу, которой он был убит. Стрела стала переходить из рук в руки, воины молча осматривали ее и передавали дальше. Наконец брат, взглянув на нее, воскликнул:

— Да ведь это моя стрела!

— Как? Твоя стрела? Значит, ты убил вождя ютов? — удивился Огоуоза.

— Нет. Стрела моя, но вождя убил мой брат.

— Так ли это, сын мой? — обратился ко мне Начитима.— Правда ли, что эта стрела пущена тобой?

— Да. Когда брат был ранен, я взял его оружие,— ответил я.— Видишь, у меня за спиной висит его лук, а в колчане еще осталось несколько стрел.

Все повернулись и смотрели на меня, а старый кацик протянул мне копьё и щит убитого вождя ютов.

— Возьми, это твое,— сказал он.— Храни их, как воспоминание о славном подвиге, который ты совершил сегодня. Не будь тебя с нами, все мы лежали бы на этой просеке.

Воины обступили меня и стали выкрикивать мое имя. Смущенный их похвалами, я не мог выговорить ни слова и дрожащими руками взял щит и копьё.

Нам оставалось осмотреть еще одного убитого юта. Начитима наклонился к нему и пристально посмотрел на стрелу, вонзившуюся ему в грудь. Потом он выпрямился и воскликнул:

— Видите эту стрелу? Еще один воин убит моим сыном!

Он вытащил стрелу и показал ее столпившимся вокруг меня воинам. Все смотрели на меня, словно впервые увидели, а Кутова воскликнул:

— Твой сын еще юноша, сегодня он в первый раз сражался с врагами и, однако, убил двоих!

— Сын мой, как удалось тебе это сделать? — спросил Начитима.

Но я не знал, что ему ответить. Я был смущен и растерян, словно темной ночью заблудился в дремучем лесу. Помнил я, что во время боя я был испуган, взволнован, рассержен и ничего не сознавал, ни о чем не думал.

Мы похоронили убитых тэва и отправились в обратный путь. Было далеко за полдень, когда мы добрались до скал, окаймлявших долину, где находились развалины древнего пуэбло. Мы посмотрели вниз, но нигде не видно было ни одного человека. Встревоженные, мы быстро спустились по крутой тропинке и поспешили к пещерам. Велика была наша радость, когда из первой же пещеры выбежали нам навстречу женщины и остававшиеся в пуэбло мужчины. Но теперь мужчин было шестеро, тогда как охранять женщин поручено было пятерым. В шестом мы с удивлением узнали Оготу. Женщины окружили нас; одни смеялись и радостно обнимали вернувшихся родственников, другие тревожно спрашивали о своих мужьях и, узнав о их гибели, начинали плакать.

Когда Огоуоза поднял руку и приказал всем молчать, спустилась тишина. Военный вождь повернулся к Оготе и резко спросил его:

— Отвечай, как ты попал сюда?

— Когда завязался бой, я увидел, что один из ютов бросился в лес и побежал по тропе, ведущей в долину. Я последовал за ним, но вскоре он скрылся из виду. Я боялся, что он проберется в пуэбло и нападет на женщин. Тогда я решил вернуться сюда, чтобы предупредить оставшихся здесь воинов и вместе с ними защищать женщин, — не задумываясь ответил Огота.

Огоуоза молча, в упор смотрел на него. Мы ждали, затаив дыхание. Наконец военный вождь сказал:

— Огота, думаю я, что ты лжец! Думаю я, что ты трус! Должно быть, ты обратился в бегство, как только напали на нас враги, но доказательств у меня нет. Повидимому, никто не заметил, когда ты исчез. Теперь слушай меня: в наш Совет воинов ты не войдешь до тех пор, пока не совершишь какого-нибудь славного подвига и не докажешь на деле, что ты не трус.

— Я не трус. Все было так, как я сказал,— отозвался Огота.

Он хотел еще что-то добавить, но военный вождь повернулся к нему спиной и заговорил с Начитимой. Решено было немедленно вернуться в Покводж.

Вскоре мы вышли из долины и гуськом побрели по тропе. Впереди шел отряд воинов, за ним следовали женщины, а шествие замыкали еще несколько мужчин. В случае нападения с тыла они должны были защищать женщин. Чоромана несла копье, а Келемана щит вождя ютов. Шли мы молча. Не слышно было ни смеха, ни шуток; пять вдов оплакивали своих мужей, и мы не смели проявлять радость. В полночь мы спустились к реке, а на рассвете переправились на другой берег и вошли в Покводж. Собравшейся толпе мы рассказали о битве с ютами.

Старый кацик вернул мне оперение орла.

— Я передумал,— сказал он.— Ты сам должен передать перья Поаниу, потому что это твоя добыча.

В полдень я подошел к ее дому и окликнул ее по имени. Она велела мне войти, но я колебался. Очень не хотелось мне переступить порог ее жилища и снова увидеть священную змею, которая внушала мне отвращение и страх. Но когда Поаниу вторично приказала мне войти, я невольно повиновался. В маленькой комнатке стоял какой-то странный неприятный запах. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что старуха сидит возле очага и пристально на меня смотрит.

— Ты убил орла,— сказала она.— Я знала, что неудачи быть не может. Ни разу еще я не ошибалась в людях. Подай мне оперение.

Молча я протянул ей перья и повернулся к двери. Мне хотелось поскорей выйти на солнечный свет, но она знаком приказала мне сесть против нее, и снова я повиновался, понятия не имея о том, что предстоит мне увидеть и услышать в этой полутемной душной комнате.

Нежно поглаживая длинные перья орла, Поаниу сказала мне:

— Сегодня утром наш «летний кацик» был здесь, у меня. Мы говорили о тебе.

Я промолчал, недоумевая, что могли они обо мне говорить,

Старуха продолжала:

— Ты поймал орла. Несмотря на то что он разодрал тебе лицо, ты не выпустил его и задушил. Потом ты сражался с ютами и убил двоих — вождя и одного из воинов. Ты храбрый.

— Нет, не храбрый,— перебил я.— Мне было страшно, очень страшно, я не сознавал, что делаю. Дрался я с ними только потому, что ничего другого мне не оставалось.

Не обращая внимания на мои слова, Поаниу продолжала:

— Вот почему я хочу тебе помочь.

С этими словами она нащипала пуху, покрывавшего кожу орла, и сделала из него два пучка. Потом оборвала красивые перья на хвосте и, отложив их в сторону, протянула мне пучок пуха.

— Тебе этот пух понадобится для молитвенных палочек,— сказала она.— Перья я тоже тебе отдам, ты их пришьешь к головному убору.

Она встала и отодвинула решетку, заслонявшую дверь в соседнюю комнату. Там послышался шорох, потом какой-то треск. Через минуту раздался голос Поаниу, обращавшейся к своей жемее:

— Нет, нет, не сердись! Это я, твоя слуга Поаниу.

Она вернулась, держа на руках огромную змею. Хвост змеи спускался до самого пола. Под тяжестью ноши старуха с трудом передвигала ноги. Опустившись на свое место возле очага, она опустила змею на пол. Гремучая змея подняла хвост, украшенный погремушками, и поползла ко мне. Я весь похолодел и хотел было вскочить и выбежать из комнаты, но старуха наклонилась, притянула к себе змею и, поглаживая ее, сказала:

— Нет, нет! Остайся здесь, со мной.

И змея, словно понимая слова старухи, свернулась у ее ног. Я видел, как сверкали ее глаза; она то прятала, то высовывала узкий язычок. На огромном хвосте торчали длинные заостренные погремки.

Поаниу бросила по шепотке священной муки на все четыре стороны света и затащила заунывную песню, от которой у меня мурашки забегали по спине. Потом взяла связку орлиных перьев и стала поглаживать ими змею по голове. Змея лежала неподвижно; можно было подумать, что это поглаживание доставляет ей удовольствие.

ствие. Пробормотав какое-то заклинание, Поаниу протянула мне перья и сказала:

— Теперь ты можешь идти. О том, что ты здесь видел, не говори никому, кроме Начитимы и членов Патуабу. Эту церемонию я совершала ради тебя с согласия «летнего кацика». Обычно ее совершают только для взрослых воинов, но я хотела наградить тебя за услуги, которые ты оказал мне и всем жителям Покводжа.

— Поаниу, ты очень добра ко мне,— сказал я.

Держа в одной руке перья, а в другой пух, я встал и направился к выходу. Она ничего мне не ответила, только махнула рукой и снова затянула песню. Змея, свернувшись кольцами, словно застыла у ее ног.

Я пересек площадь, поднялся по лестнице на нашу крышу и здесь встретил Чороману. С торжеством показал я ей подарок Поаниу.

— Молитвенный пух и военные перья! — воскликнула она.— Откуда они у тебя?

— Это перья орла, которого я поймал. Мне их дала Поаниу, — ответил я.

Очень хотелось мне рассказать ей обо всем, что произошло в таинственном жилище старухи, но, помня наказ Поаниу, я промолчал. Я сказал только, что хочу прикрепить эти перья к своему головному убору, а Чоромана предложила их пришить. Вместе с Келеманой они принялись за работу, а я смотрел на них и прислушивался к их тихому пению. Это был счастливый для меня день.

Вечером, оставшись наедине с Начитимой, я передал ему все, что слышал от Поаниу, а он посоветовал мне хранить это втайне. У меня было много врагов в пуэбло, и Начитима не хотел, чтобы я разжигал в них зависть.

Приближалась зима. Вместе с братом и Начитимой я ездил в лес за дровами. Нужно было запастись топливом к холодному времени года. Обычно с нами отправлялись соседи и друзья. Все мы брали с собой оружие, так как были уверены, что юты следят за нами и ждут удобного случая, чтобы отомстить за своего вождя. Мы не успели запастись дровами даже на первую половину, как явились к нам из пуэбло Санта-Клара два бегуна. Остановившись на Южной площади, они спросили, где

наш военный вождь. Огоуоза вышел к ним, и они сообщили ему новость: навахи, команчи, юты и апаша заключили союз и сговорились истребить всех нас, землешцев. И я и Одинокий Утес — мы оба поняли, что нам предстоит сражаться с навахами, нашим родным народом. Эта мысль приводила нас в отчаяние.

В Покводже и в других пуэбло, расположенных вдоль Рио-Гранде, жители были подавлены и встревожены. Они знали, что в любой момент неприятель может напасть на них. День проходил за днем, а враг не давал о себе знать. Наконец пришла зима, и в горах выпал глубокий снег. Теперь мы были уверены, что навахи не смогут перевалить через горный хребет. Олени, лоси, индюки спустились с гор в долину реки, и мы почти каждый день уходили на охоту. Несмотря на сильные морозы, мы по-прежнему ездили в лес, пока не запаслись топливом на всю зиму.

Зимние месяцы прошли спокойно, народ приободрился и повеселел, но с наступлением весны снова вспыхнула тревога. Когда настала пора посевов, мы по очереди уходили в поля. В то время как одни работали, другие охраняли пуэбло, причем женщины должны были помогать мужчинам. Каждый вечер перед закатом солнца Огоуоза назначал на следующий день караульных. Три отряда по двадцать человек в каждом отправились на север, восток и юг от пуэбло и, спрятавшись за прикрытием, охраняли работавших на полях.

Пора посева подходила к концу, когда мы узнали, что большой отряд навахов напал на людей из пуэбло Санта-Клара, работавших в поле. Многие были убиты.

За это время Начитима, брат и я три раза исполняли обязанности караульных. Огоуоза назначил нас в четвертый раз, объявив, что сам поведет наш отряд на север.

Мы рано улеглись спать, а встали задолго до рассвета. Келемана приготовила нам завтрак, и мы сытно поели. Было еще совсем темно, когда мы, взяв оружие, спустились на площадь, где Огоуоза уже созывал воинов своего отряда. Все выстроились в ряд. Нас было девятнадцать человек, включая самого Огоуозу. Пересчитав нас, он спросил, кто же двадцатый.

— Огота, — ответил один из воинов.

— Ха! Ну конечно! — воскликнул вождь.

— Пойдем без него, — предложил кто-то.

— Да, таких, как он, нам не нужно! — раздался голоса.

— Нет, он пойдет с нами! Ступайте, приведите его сюда! — сердито крикнул Огоуза.

Но в эту минуту показался Огота. Шел он медленно, словно нехотя. Побранив его за опоздание, вождь повел наш отряд.

Мы должны были караулить на Черном Мезе. Солнце уже всходило, когда мы поднялись на плоскогорье. Отсюда мы увидели, что воины южного отряда уже поднялись на гору в другом конце долины. Третий отряд скрылся в зарослях можжевельника, покрывавшего холмы на востоке. Утро было безветренное, теплое. Нигде не видно было неприятельских отрядов, но мы знали, что они рыскают в окрестностях. Солнце еще невысоко стояло на небе, когда из пуэбло вышли женщины и мужчины, а затем разбрелись по полям. Я видел, что на нашем участке работают Келемана и Чоромана. Они сажали маис, исполняли нашу работу, в то время как мы, мужчины, должны были сидеть без дела. С какой радостью пошли бы мы работать в поле, если бы моему народу тэва не грозило нападение навахов, которые тоже не были для меня чужими! Мне стало грустно. Мы с братом, сидели в стороне, в нескольких шагах от других воинов. Наклонившись к нему, я сказал на языке навахов:

— Брат, как мне тяжело! Наше родное племя избивает добрых миролюбивых тэва. Мы должны положить конец этой вражде!

— Пожалуй, легче было бы заставить эту реку течь вспять! — грустно отозвался брат.

Вдруг за моей спиной раздался голос Оготы:

— Послушайте-ка! Эти двое разговаривают на языке навахов. Должно быть, они что-то против нас замышляют.

Не знаю, что бы я ему ответил, если бы в эту минуту не раздался возглас Начитимы:

— Смотрите! Южный сторожевой отряд увидел неприятеля.

Мы все вскочили. Действительно, по тропинкам, ведущим в долину, бежали, размахивая одеялами, наши

воины. Люди, работавшие в полях, заметили сигнал и опрометью побежали по направлению к пуэбло. С холмов на востоке тоже спускались воины из третьего отряда. Мы поняли, что враг идет с юго-востока, вдоль речонки Покводж, которая была не видна с Черной Мезы.

— Наши женщины, дети! Неужели мы не успеем их спасти? Вперед, мои храбрые тэва! Следуйте за мной! — крикнул Огоуоза и первый стал спускаться в долину.

IX. ТАЙНЫЙ СОВЕТ ПАТУАБУ НАЗНАЧАЕТ ДЕНЬ СУДА

Приближалось страшное испытание: там, на полях Покводжа, я должен был встретиться с моим родным народом — навахами. Я знал, что среди них могут быть близкие мои родственники. Следуя по пятам за Начитимой, который ни на шаг не отставал от Огоуозы, я думал свою думу. Могу ли я сражаться с родным народом? Нет! Могу ли я изменить добрым тэва — Келемане, Начитиме, Чоромане — всем, кто меня любит и кого я люблю? Нет! Что же мне делать? Снова и снова задавал я себе этот вопрос, но не находил на него ответа.

Я был словно в бреду. Смутно я сознавал, что не отстаю от Начитимы, а брат бежит рядом со мной. Мы спустились с плоскогорья и пересекли поля Покводжа. Вдруг я заметил, что направляемся мы не к пуэбло, а

на восток, и туда же спешат воины южного отряда, спустившиеся с горы. Не сразу сообразил я в чем дело, но наконец понял: мы хотели спасти лошадей. Когда настала весна и начались набеги навахов, мы стали загонять лошадей на ночь в пуэбло, а по утрам мальчики под надзором троих взрослых выгоняли их на пастбище. Пастухов назначали старшины кланов. Сегодня утром пастухи погнали лошадей к востоку от пуэбло, а сейчас с помощью подоспевших караульных восточного отряда старались загнать их домой.

Мы соединились с южным отрядом и поспешили на помощь, чтобы окружить табун, когда показались навахи. Их было больше сотни. Быстро мчались они нам навстречу, и снова спустя семь лет я услышал дикое пение воинов прерий; когда-то я любил эти песни, но сейчас они показались мне страшными и отвратительными.

Между тем пастухи и караульные уже гнали табун по направлению к пуэбло, а мы бежали им навстречу, чтобы отразить нападение приближавшихся навахов. Но с самого начала было ясно, что мы опоздаем. Нам осталось пробежать еще несколько сот шагов, когда навахи нагнали табун. Они орали, пели, размахивали одеялами и стреляли в пастухов и караульных, окружая в то же время табун. По-видимому, они спешили увести лошадей раньше, чем мы подоспеем на помощь.

Но угнать лошадей было делом нелегким. Наши лошади ночь проводили в сараях, а паслись только днем и за последний месяц сильно отощали. Обессиленные, они не могли бежать от загонщиков; многие отставали и, словно кролики, бросались в кусты, а навахам приходилось возвращаться и подгонять их. Наконец мы подошли к неприятелю, и наши воины начали стрелять. Я поднял ружье, прицелился в одного из навахов, но почувствовал, что не могу нажать спуск. Оглянувшись на брата, я увидел, что он опустил лук. Тогда я крикнул на языке навахов:

— Друзья! Не угоняйте лошадей! Не обижайте тэва и возвращайтесь к себе домой!

Долго я кричал и от волнения забыл о том, что шум и топот лошадей заглушают мой голос. Три всадника-наваха отстали от своего отряда, чтобы угнать отбившуюся от табуна лошадь. Один из них оглянулся и на-

тянул тетиву своего лука. Я узнал его: это был Белый Ястреб — младший брат моей покойной матери. Я высоко поднял ружье и стал размахивать им, чтобы привлечь его внимание. Я закричал, назвал его по имени, побежал к нему, но он даже не взглянул на меня, выстрелил из лука и ускакал.

— Это наш дядя! — воскликнул брат. — Наш дядя Белый Ястреб! О, если бы мы могли с ним поговорить!

Между тем навахи решили бросить отбившихся лошадей. Быстро погнали они табун в горы, а тэва грустно смотрели им вслед, размышляя о том, что теперь всем придется таскать на спине дрова из леса, так как в пуэбло не осталось лошадей. Огоуоза велел нам подобрать наших убитых и раненых, но в эту минуту к нему подбежал Огота.

— Вождь, выслушай меня! — крикнул он.

Указывая пальцем на меня и моего брата, он продолжал:

— Я требую, чтобы ты позволил нам убить этих двоих! Они изменники! Они не хотели драться с нашими врагами. Мы видели, что делал Уампус: он кричал своему родственнику-наваху, чтобы тот нас не щадил! Он размахивал ружьем и уговаривал наваха перебить всех нас. Я это видел! Да и не я один.

— Ложь! Мой сын так не поступит! — крикнул Начитима.

— А ты, Огота... что делал ты во время боя? Я видел, что ты отстал и спрятался в кустах, — сказал Потоша.

— Да, спрятался, потому что не мог сражаться. Тетива лука порвалась, — ответил Огота, поднимая лук, чтобы все видели разорванную тетиву.

— Да уж не ты ли ее перерезал?

— Говорю тебе, она порвалась. Вождь, отдай нам изменников, мы их уьем!

Огоуоза повернулся ко мне.

— Уампус, что скажешь ты?

Нас обступили воины и женщины, прибежавшие из пуэбло. Я заметил, что многие с ненавистью смотрят на меня и брата.

— Вождь, — сказал я, — правда, мы не стреляли в этих грабителей — людей одной с нами крови. Я пытался стрелять, но не мог. Тогда я стал кричать: «Друзья! Не

угоняйте лошадей! Не обижайте тэва!» Одного из них я узнал. Это был Белый Ястреб, брат нашей матери, наш дядя. Я размахивал ружьем, чтобы привлечь его внимание, я побежал к нему, умоляя оставить нас в покое, но он меня не видел, а если видел, то не узнал...

— Вот! Слышите! Он сам говорит, что не стал стрелять! Вождь, разреши нам убить Уампуса и его изменника брата! — крикнул Огота.

— Да! Убьем навахов! Мы приютили изменников! — раздались возгласы в толпе.

И я увидел, что многие из тех, кого я считал своими друзьями, смотрят на меня злобно.

— Нет! Раньше вам придется убить меня! — крикнул Начитима.

— И меня! И меня! — подхватили Кутова и Потоша.

Келемана, Чоромана и другие женщины бросились к нам. Тогда заговорил старый «летний кацик».

— Замолчите! — приказал он. — Всем вам известно, что только мы, члены Патуабу, должны решать, как следует поступить с этими двумя юношами. Через пять дней мы соберемся в южной киве, обсудим этот вопрос и вынесем решение.

Никто не посмел возражать кацику. Люди разбрелись по полю, отыскивая убитых и раненых. Убитых было пятеро: два мальчика и трое мужчин; раненых двое: мальчик и воин. Родственники оплакивали убитых, а мы не могли их утешить. В тот день никто не работал в полях. Мы вернулись домой вместе с Начитимой, Келеманой, Кутовой и его семьей. Женщины приготовили для нас сытный обед, но мы с братом были так огорчены враждебным отношением тэва, что ничего не могли есть. Спустившись на площадь, мы заметили, что многие мужчины и юноши, всегда относившиеся к нам дружелюбно, сейчас нас избегают.

Грустные, побрели мы домой. У подножия лестницы нас ждал один из наших друзей. Сначала он осмотрелся по сторонам, словно боялся, как бы кто не увидел, что он разговаривает с нами. Но на площади никого не было. Тогда он прошептал:

— Огота и его друзья обходят одного за другим всех членов Патуабу и стараются восстановить их против вас. Они настаивают на том, чтобы вас убить. Через пять дней члены Патуабу соберутся в киве. Сейчас за

вами не следят. Сегодня ночью вы можете уйти из Покводжа и вернуться к родному племени. Я хотел вас предупредить, потому что люблю вас обоих.

— Дорогой друг, ничего плохого мы не сделали и не хотим бежать из Покводжа,— ответил я.— Если Патуабу решат, что мы должны умереть... ну что ж, тогда мы умрем!

— Да, мы не хотим жить, если Патуабу будут так несправедливы к нам! — воскликнул брат.

Его слова меня удивили. Я не подозревал, что враждебное отношение к нам тэва угнетает его не меньше, чем меня.

Наш друг молча ушел, а мы вернулись домой.

Так как навахи угнали почти всех наших лошадей, то мы считали, что теперь можно не опасаться новых набегов. Но Огоуоза не был в этом уверен и вечером назначил караульных на следующий день.

Рано утром Начитима, Одинокый Утес и я вышли на работу в поле. Прикрывая влажной землей маленькие твердые зернышки маиса, я думал о том, суждено ли мне увидеть первые зеленые ростки. Вечером, когда мы вернулись домой, нас встретили Келемана и Чоромана; у обеих глаза были заплаканы. Молча поставили они перед нами миски с похлебкой. Начитима вопросительно посмотрел на жену, но она повернулась к нему спиной.

— Ну-ну, говори, что случилось? — спросил он.

Келемана заплакала и ничего не сказала; за нее ответила Чоромана:

— Уампус, мой будущий муж! Мы узнали, что Огота со своими друзьями побывал у членов Патуабу и склонил на свою сторону скоморохов, выдвинув против тебя новое обвинение. Он утверждает, что тебе известно какое-то заклятие, и вчера по твоей вине навахи ушли целыми и невредимыми; тэва не могли их ни убить, ни ранить.

— Начитима, многие этому верят или притворяются, будто верят,— всхлипывая, заговорила Келемана.— Я знаю, что через четыре дня...— да, осталось только четыре дня! — Патуабу осудят наших сыновей. Что нам делать? Как их спасти?

— Начитима, я знаю, что нужно делать! — воскликнула Чоромана.— Они должны отсюда уйти раньше, чем члены Патуабу вынесут решение. Они должны уйти к

своему народу и никогда не возвращаться в Покводж. А я уйду с ними! Я нарушу клятву, которую дала деду, я буду женой Уампуса и буду следовать за ним, куда бы он ни пошел.

— Нет, нет! — громовым голосом крикнул Начитима.

Отодвинув миску с едой, он вскочил и стал ходить по комнате.

— Они не уйдут отсюда, а ты не нарушишь клятвы! Или я не член Патуабу?? Огоуоза, Поаниу, «летний кацик» — верные наши друзья. Мы заставим образумиться этих скоморохов. Члены Патуабу никогда не приговорят к смерти наших детей, ни в чем не повинных!

— Но кое-кто из них — даже сам «зимний кацик» — входит в клан Оготы, клан Огня, — сказала Келемана.

— Довольно! Мы им докажем, что Огота трус и лжец. Мы им напомним, что наш сын убил бурого медведя и двух ютов. Не бойся! Патуабу не тронет наших сыновей.

Потоша, никем не замеченный, вошел в комнату и остановился в дверях, прислушиваясь к разговору. Все мы вздрогнули и оглянулись, когда он воскликнул:

— Начитима! Помнишь, вчера я обвинил Оготу в том, что он перерезал тетиву? Так оно и было! Один из мальчиков-пастухов, Волчий Хвост из клана Олень, видел, как Огота спрятался в зарослях, опустился на колени, достал нож и перерезал тетиву. Я это знал еще вчера, когда бросил ему обвинение. У разорванной тетивы концы всегда бывают растрепаны, а Огота аккуратно перерезал ее ножом. Вместе с Волчьим Хвостом я приду на совещание членов Патуабу и расскажу все, что знаю.

— Да, ты должен это сделать. А теперь ступай к мальчику и предупреди его, чтобы он не проболтался, — сказал Начитима.

Пужинав, Начитима ушел, сказав нам, что хочет повидаться с «летним кациком» и другими членами Патуабу.

Келемана и Чоромана вымыли чашки и миски, поставили их на место и молча уселись возле очага. Мне хотелось сказать Чоромане, как я ей благодарен за то, что ради меня она готова нарушить клятву, покинуть родных и следовать за мной, но сейчас, при Келемане, я

не мог выговорить ни слова. Вскоре за Чороманой пришла ее мать. Когда она проходила мимо меня, я коснулся ее руки. Друг мой, часто одним прикосновением можно выразить то, чего не скажешь словами.

Потом слышались шаги, и в комнату вошла одна из близких подруг Келеманы — Побези — Женщина-Белый Цветок — из клана Белый Маис. Это был клан «зимнего народа».

— Келемана! — воскликнула она. — Поаниу пришла на нашу площадь и зовет Уампуса. Она хочет, чтобы он раздобыл корму для ее священной змеи.

— Но почему она ищет меня там, где я никогда не бываю? — спросил я.

— Да, я тоже задала ей этот вопрос, но она зажала мне рот рукой и сердито прошептала: «Молчи! Я знаю не хуже тебя, что его здесь нет. Но пусть весь «зимний народ» слышит мои слова. Я — Поаниу — верю в Уампуса и хочу, чтобы он достал корму для моей змеи». Она обошла всю площадь и каждому встречному говорила, что ты должен принести живого кролика для священной змеи. Слышишь ее голос? Она пришла за тобой на Южную площадь.

Действительно, мы услышали голос Поаниу. Келемана осушила слезы и улыбнулась.

— Уампус! — воскликнула она. — Поаниу — наш верный друг. Она тебя защитит, а скоморохи должны будут ей повиноваться.

Я хотел было пойти навстречу Поаниу, но женщины посоветовали мне остаться. Через минуту Поаниу поднялась по лестнице на крышу и вошла в комнату. Улыбаясь и тяжело дыша, она опустилась на скамью.

— Ты уже знаешь, Уампус, какое я хочу дать тебе поручение. Это все, что я могу для тебя сделать. До сих пор только членам Патуабу поручала я доставать пищу для священной змеи. Завтра ты принесешь мне кролика, живого кролика.

— Если мне удастся его поймать, — ответил я. — Благодарю тебя, Поаниу.

Она отказалась от угощения, предложенного Келеманой, и, отдохнув, ушла через несколько минут. Вскоре вернулся Начитима.

— Сын мой, — сказал он, — Поаниу оказала тебе высокую честь. Ты должен выполнить ее поручение. Завтра

утром ты поставишь шесть ловушек для кроликов. Поля к югу от деревни окаймлены густыми кустами; там водится много кроликов. А теперь пора спать.

На рассвете я вышел из деревни. У ворот меня окликнули караульные и пожелали успеха. Я пересек поле и спугнул двух маленьких кроликов, поедавших маисовые побеги. Они скрылись в кустах, а я отыскал их норки и у входа расставил ловушки. Ловушка была очень простая — круглая петля из кожаного ремня, конец которого я привязал к кусту. Покончив с этим делом, я отошел в сторонку, сел на землю и стал ждать. Как я боялся, что мне не удастся поймать кролика! Я знал, что судьба моя зависит от того, выполню ли я поручение Поаниу. Но счастье мне улыбнулось. Когда взошло солнце, я увидел, что куст, к которому был привязан конец ремня, качается. Подбежав к норке, я схватил бившегося в петле кролика и, взяв остальные пять ловушек, поспешил домой. У ворот пуэбло я встретил работников, уходивших на поле, и воинов трех сторожевых отрядов. Прижимая к груди притихшего кролика, я с тревогой всматривался в их лица. Некоторые, заметив кролика, улыбнулись и похвалили меня, но многие — о, очень многие! — смотрели на меня исподлобья или делали вид, будто не замечают. Мне стало грустно; я уже не радовался пойманному кролику. С тяжелым сердцем подошел я к дому Поаниу и окликнул ее по имени.

— Войди! — отозвалась она.

Я отодвинул висевшую в дверях занавеску и вошел в темную душную комнату.

— Вижу, ты поймал кролика, — сказала она. — Я знала, что неудачи быть не может. И вернулся ты рано.

Она встала, подошла к двери, выходившей в соседнюю комнату, и слегка отодвинула решетку из ивовых прутьев. Потом знаком подозвала меня и велела бросить кролика змее. Когда он мягко шлепнулся на земляной пол, я услышал, как застучали погремки на хвосте священной змеи. Мурашки пробежали у меня по спине.

Сделав свое дело, я хотел поскорее выйти на свежий воздух, но Поаниу задержала меня и заставила опуститься на колени перед решеткой. Я услышал ее бормотанье; она произносила какие-то непонятные слова,

а я думал только о том, как бы отсюда уйти. Змея внушала мне отвращение, бормотание старухи казалось смешным, но я молчал, опасаясь ее рассердить. Я знал, что Поаниу желает мне добра, и не хотел лишиться ее дружбы. Наконец она меня отпустила.

В тот день мы закончили посев маиса, а на следующее утро пошли помогать Кутове. Его поле находилось к югу от пуэбло, у подножия утесов, образующих восточную стену каньона. С востока к нему примыкало поле нашего военного вождя Огоуозы, который работал вместе со своей женой и дочерью. К западу находилось поле Тэтиа; его возделывала вдова Тэтиа, ее два сына и племянник Огота. За полем начинались густые заросли, которые тянулись на север и спускались к берегу реки. На утесах находился южный отряд воинов; мы ясно могли их разглядеть; одни стояли, другие сидели у самого края пропасти.

До нас доносились голоса людей, работающих на поле Тэтиа. По-видимому, Огота был чем-то очень доволен: он пел, смеялся, приплясывал. Потом громко сказал:

— Ну, тетя, завтра вечером члены Патуабу соберутся на совещание. Я знаю, чем кончится дело: этих двоих они приговорят к смерти. Так мне сказали мои друзья. Как бы я хотел, чтобы поскорее настало завтра!

Мы не расслышали, что ответила ему женщина. Начитима и Кутова приказали мне притвориться, будто я ничего не слышал, но я и не собирался вступать с ним в пререкания. Огота высказал вслух то, о чем я все время думал. Я боялся, что мне и брату осталось жить два дня. Хотя при нас Начитима храбрился, но я видел, что он тоже очень встревожен и со страхом думает о завтрашнем дне. Он не знал, кто из членов Патуабу будет на нашей стороне. Даже женам своим они редко говорили о том, какое решение думают принять. Обычно они прислушивались к разговорам, но сами молчали.

Чоромана стояла в нескольких шагах от меня. Подойдя ко мне ближе, она шепнула:

— Быть может, Огота знает, какой приговор вынесут Патуабу. Уампус, не подвергай себя опасности! Уйди и спрячься где-нибудь поблизости, а мы дадим тебе

знать, какое решение будет принято. Если тебя приговорят к смерти, тогда, Уампус, мы трое — ты, твой брат и я — покинем Покводж и никогда сюда не вернемся.

Я покачал головой.

— Нет, Чоромана, это было бы трусостью. Я не могу уйти тайком из Покводжа. Если бы мы были изменниками, как думает Огота...

Я не успел договорить, так как в эту минуту раздались громкие крики и пение. Из зарослей, покрывавших склон горы, выскочили воины и бросились по направлению к пуэбло. Люди, работавшие на соседних полях, бежали впереди.

Х. НОВЫЙ ВОЕННЫЙ ВОЖДЬ

Да, снова услышал я в долине Покводж пронзительный боевой клич и военную песню моего родного народа — навахов. Это был тот самый отряд, который угнал наших лошадей.

Со всех сторон бежали по направлению к пуэбло люди, работавшие в полях. К ним присоединились и три сторожевых отряда. Мы знали, что пуэбло не выдержит натиска, так как там оставались только старики, женщины и дети. Несколько женщин вылезли на крыши домов по обеим сторонам узкого прохода; остальные баррикадировали вход в пуэбло. Но я не надеялся на то, чтобы им удалось до нашего прихода удержать неприятеля за стенами пуэбло. Я сказал брату, не отстававшему от меня ни на шаг:

— Беги как можно быстрее! Когда мы подбежим ближе, крикни навахам, чтобы они перестали драться и заключили мир с тэва. Если наш дядя находится среди нападающих, мы обратимся к нему, потому что он любил нашу мать.

Мы пятеро бежали рядом — Огоуоза, Начитима, Кутова, брат и я. Справа от нас мужчины отдельными группами тоже бежали на защиту пуэбло, а наши помощницы-женщины отстали. Оготы с нами не было. Оглянувшись на бегу, я увидел, что он бежит рядом с Чороманой. Южный сторожевой отряд уже спустился с утесов и догонял нас.

Мы находились на расстоянии нескольких сот шагов от пуэбло, когда навахи подошли к забаррикадированному входу и вступили в бой с первыми прибежавшими с поля работниками. Многих уложили они на месте дубинками и копьями. Мы знали, что Покводж навеки для нас потерян, если навахи успеют разобрать бревна, загромаждавшие вход. Но мудрыми людьми были те, что строили это пуэбло. Крыши домов, ближайших к проходу, они подперли толстыми бревнами, а на крышах разложили длинными рядами большие камни. В случае нападения эти камни можно было сбрасывать вниз.

Когда навахи столпились в проходе, старики и несколько юношей начали стрелять в них из луков, а женщины, поднявшиеся на крыши домов, сбрасывали камни. К краю крыши они не подходили и, следовательно, могли не опасаться стрел. Но навахи понимали, что с женщинами справиться легче, чем с людьми, защищавшими проход, и вскоре придумали способ, как до них добраться. Человек пять или шесть подбежали к находившемуся неподалеку сараю, сорвали с крыши несколько длинных тяжелых шестов и, прислонив их к стене, окружавшей пуэбло, начали по ним карабкаться на стену. Как раз в эту минуту мы и другие работники подбежали ближе, и Огоуоза закричал:

— Стреляйте в тех, что карабкаются на стену!

Но мы с братом стрелять не стали. Воины испугались падавших с крыш камней и выбежали из прохода. Их вождь — Горб Бизона (мы с братом сразу его узнали) — скомандовал:

— Сюда! Защищайте воинов, которые по шестам влезают на стену! Они пробьют для нас дорогу в пуэбло!

Мы побежали к нему, называя его по имени и умоляя прекратить бой и заключить мир. На языке тэва я обратился с такой же просьбой к Огоуозе, но в пылу битвы вожди нас не слышали.

— Кричи громче! Беги быстрее! — понукал я брата.

Вдруг я заметил, что один из навахов прицелился, как показалось мне, в меня. Но стрела вонзилась в грудь брата, и он упал, широко раскинув руки. Я остановился. Видя, как побелело его лицо, я понял, что он мертв. И в это мгновение угасла в моем сердце любовь к родному народу. Ее сменила ненависть. Я выстрелил из ружья в навахов, толпившихся у подножия стены, потом бросил ружье на землю и взял лук и стрелы брата. Наклонившись к Одинокому Утесу, я крикнул, словно он мог меня услышать:

— Я отомщу за тебя.

И я побежал за нашим военным вождем.

Между тем женщины заметили, что враги пытаются взобраться на крыши домов. Некоторые, подбежав к краю крыши, уцепились за концы шестов и пытались их раскачивать, другие стали швырять камни. Но воины, находившиеся внизу, крепко держали шесты. Две женщины были убиты, а остальные испугались и спустились вниз, к старикам, защищавшим проход.

К тому времени почти все тэва, работавшие в полях, прибежали к стенам пуэбло, но неприятель превышал нас численностью. Навахи стреляли в нас из луков, метали копья, размахивали ружьями, как дубинками. Я пробился вперед, к Огоуозе. Вокруг нас толпились люди, и было так тесно, что я не мог стрелять из лука. Вдруг я обо что-то споткнулся и, наклонившись, увидел валявшуюся на земле палицу. Убитый воин еще сжимал в руке петлю, прикрепленную к ней. Я отбросил лук и стрелы и поднял палицу.

Мы врзались в самую гущу врага и вступили в рукопашный бой. Я видел только головы — головы навахов, на которые опускалась моя палица, и, нанося удары, напрягал все свои силы. Медленно подвигались мы вперед и наконец пробились к шестам, приставленным к стене. Вскоре после этого мы завладели северной частью прохода.

— Вперед! Лезьте по шестам на стену! — крикнул Огоуоза, бросаясь к ближайшему шесту.

Начитима, я и еще несколько воинов последовали за ним, но вдруг Огоуоза упал, пронзенный копьем. Его место занял Начитима, но через минуту Горб Бизона, размахивая ружьем, словно дубинкой, нанес ему страшный удар.

Когда Начитима упал, у меня в глазах помутилось от ненависти и злобы. Я повел воинов в атаку и, наступая на навахов, окружавших Горб Бизона, крикнул ему на языке навахов:

— Убийца отца моего тэва, я убью тебя! И вы, убийцы моего брата, берегитесь!

Горб Бизона услышал меня, вздрогнул и попятился. Его воины рванулись вперед и оттеснили меня; я не мог нанести ему удар. Тогда на помощь подоспели тэва. Ножам, копьями, дубинками пробивали они мне дорогу к вождю навахов. А я, нанося удары, кричал на языке навахов:

— Убийцы моего брата и отца, я отомщу вам!

Навахи, слышавшие меня, не понимали, почему один из тэва обращается к ним на их родном языке. Они растерялись, а я этим воспользовался и, пробившись вперед, к Горбу Бизона, сразил его палицей. Тогда навахи пришли в смятение и обратились в бегство. Громко кричали они, что вождь их убит. Они убежали в поля и дальше, на север, а мы их не преследовали, потому что должны были выгнать тех, кто успел пробраться в пуэбло. Когда опасность миновала, я бросился к Начитиме. Он был жив, я уловил слабое биение его сердца.

В пуэбло были убиты только пятеро навахов. Остальные — их было человек двадцать — прыгнули с северной стены и спаслись бегством. Тогда женщины разобрали заграждение из бревен и бросились нам навстречу; одни отыскивали своих любимых, другие, узнав о смерти мужа или сына, громко рыдали. Я стоял на коленях подле Начитимы. Келемана подбежала ко мне и, убедившись, что он жив, спросила:

— Где Одинокий Утес?

— Убит! — ответил я, указывая на его труп.

Она бросилась к нему, обхватила обеими руками и заплакала.

Чоромана принесла воды. Мы обмыли голову Начитимы, а когда он очнулся, помогли ему сесть. Воины уносили мертвых и раненых в пуэбло. Пришли оба ка-

цика и стали расспрашивать нас, велики ли потери. Вдруг «зимний казик» воскликнул:

— А где же Огота?

Никто ему не ответил, и тогда он повторил свой вопрос. Вдруг Чоромана, ухаживавшая за Начитимой, вскочила и сердито сказала:

— Я тебе скажу все, что о нем знаю. Он был с нами, женщинами, в конце поля. Когда мужчины побежали сюда, к пуэбло, он отстал, бросился ко мне, схватил за руку и потащил за собой. Он хотел, чтобы я убежала и спряталась вместе с ним. А я расцарапала ему лицо и укусила его. Он меня отпустил. Тогда я догнала Келеману и больше его не видела. Огота трус! Должно быть, он прячется где-нибудь в кустах.

Когда Чоромана умолкла, воин, который был вождем южного сторожевого отряда, громко проговорил:

— Да, Огота там, в кустах. Но сейчас он не прячется. Он умер.

— Умер! — закричала его мать.

— Но навахов там не было. Кто же его убил? — вмешалась его тетка.

— Я могу только сказать, что он умер смертью труса, — ответил воин.

— Это ты его убил! — взвизгнула мать Оготы. — Ты или кто-нибудь из твоего отряда! Отвечай! Я требую, чтобы ты мне сказал, кто его убил! Убийца тоже умрет!

Казалось, она хотела выцарапать ему глаза, но воин упорно молчал.

Так погиб мой враг Огота.

Это был печальный день для нас, жителей Покводжа. Тридцать пять мужчин и семь женщин были убиты; вопли и стоны раздавались в каждом доме. Уложив Начитиму на мягкое ложе из одеял и звериных шкур, Келемана, Чоромана и я перенесли тело моего бедного брата к реке и похоронили его на берегу. С нами была и старая Поаниу, нашептывавшая слова утешения.

Настал вечер. В тот день мы не ели, но голода не чувствовали. Начитима глухо стонал, а мы с Келеманой оплакивали умершего. Потом пришла Чоромана, принесла сосновых щепок и развела огонь в очаге. Поцеловав меня, она уселась рядом с Келеманой, обняла ее и стала утешать. Вдруг мы услышали, как какой-то старик на площади повторяет снова и снова:

— Вы, оплакивающие умерших, утешьтесь! Настанет день, когда мы отомстим за них!

— Но никто не вернет моего дорогого сына,— со вздохом сказала Келемана.

Потом раздался голос нашего старого кацика:

— Слушайте, члены Патуабу! Совещания завтра не будет. Мы встретимся через шесть дней. Соберемся мы не здесь, а в киве «зимнего народа».

Я совсем забыл о том, что завтра должна была решиться судьба моя и моего брата. А теперь уже никто не мог его осудить.

— Значит, вместо одного дня мне осталось жить еще шесть дней,— сказал я.

— Ты с ума сошел!— воскликнула Келемана.— Сегодня ты спас Покводж. Неужели ты думаешь, что теперь Патуабу могут тебя осудить?

— Ты можешь быть спокоен— все будут на твоей стороне,— слабым голосом проговорил Начитима.

Но мне показалось, что он сам далеко не спокоен.

— На этом собрании они выберут нового военного вождя, наверно, тебя, Начитима,— сказала Чоромана.

— Нет, не меня,— отозвался он.— До конца жизни я буду Самайо Оджки.

— Я знаю, кого они выберут,— вмешалась Келемана.

— Я тоже знаю! Вождем будет Уампус, мой будущий муж!— воскликнула Чоромана.

Я не хотел говорить о своих опасениях. Члены Патуабу, всегда собиравшиеся в летней киве, теперь должны были встретиться в киве «зимнего народа» — друзей и родственников Оготы. Это не предвещало добра. А мне сильнее чем когда-либо хотелось жить.

Несмотря на великое наше горе, мы должны были работать. На следующее утро Келемана и я засеивали поле Кутовы, а потом стали чинить и прочищать ачеквиа на нашем участке. Работали мы молча и думали только об Одинокоем Утесе, который навеки ушел от нас.

Настал шестой день. Наша работа в поле была окончена, и мы остались дома с Начитимой. Он еще не оправился и чувствовал себя беспомощным и слабым. День тянулся бесконечно долго, мы почти не разговаривали друг с другом. Когда солнце склонилось к западу, к нам пришла Чоромана. Грустно посмотрела она на меня и, не говоря ни слова, села рядом с Келеманой.

Время шло. Наконец раздался на Южной площади голос нашего кацика. Он кричал, что солнце заходит, и призывал всех членов Патуабу в северную киву. Тогда Чаромана сказала, что поможет Келемане вести Начитиму. Женщины взяли его под руки и вывели из дома, а я остался один.

О, как хотелось мне жить, чтобы отомстить навахам за смерть брата и нападение на мирных тэва. Казалось, сердце мое вот-вот разорвется от ненависти к навахам, моему родному народу. Вернулись женщины, подсели ко мне и обняли за плечи. Я чувствовал, что они дрожат, словно им холодно. Мы долго молчали.

Наконец раздалось шарканье ног по крыше, и в комнату вошел юноша. Он сказал, что меня ждут в киве. Вместе мы вышли. Он проводил меня до Северной площади, где собралась большая толпа. Я прошел мимо, ни на кого не глядя. Поднявшись по ступеням, я пересек крышу и спустился по лестнице во внутреннее помещение кивы. Все члены Патуабу сидели на скамье, обегавшей вдоль стены, а Поаниу заняла место в стороне, возле очага. У ее ног лежала, свернувшись кольцами, огромная змея. Голову она повернула к огню.

Я словно окаменел. Как сквозь сон услышал я голос «летнего кацика», назвавшего меня по имени. Я сделал несколько шагов и остановился перед ним и «зимним кациком», который сидел по правую его руку.

«Сейчас меня приговорят к смерти»,— подумал я.

Подняв руку, чтобы привлечь к себе внимание, старый кацик сказал:

— Уампус! С того дня, как ты, пленник, вошел в Покводж, мы, члены Тайного совета Патуабу, начали за тобой следить. В пуэбло были у тебя враги. Мы остались довольны тем, как ты к ним относишься— всегда справедливо. Мы гордились, что ты— один из нас, когда ты убил большого медведя. Мы гордились тобой и были тебе благодарны, когда ты убил двух ютов. Во время наступления навахов был убит наш храбрый военный вождь, и мы знаем, что ты спас Покводж, убив вождя неприятельского отряда, убив человека, родного тебе по крови. Уампус, сегодня мы здесь собрались для того, чтобы рассмотреть выставленные против тебя обвинения и выбрать нового военного вождя. Все мы сразу признали, что тебя никто не смеет называть изменником,

ибо всегда ты был смелым защитником Покводжа. Поаниу, сидящая здесь со своей священной змеей, сказала, что хотя ты и молод, но она за всю свою долгую жизнь не встречала воина более смелого, чем ты. Она предложила назначить тебя нашим военным вождем. Тогда я спросил остальных, согласны ли они с Поаниу, и все без исключения одобрили ее выбор. Уампус, мне не нужно спрашивать тебя, всегда ли ты будешь защищать Покводж от всех его врагов. Твой ответ мы знаем. Уампус, военный вождь Покводжа, член Тайного совета Патуабу, займи свободное место на этой скамье, где не так давно сидел наш доблестный вождь Огоуоза.

Был ли я удивлен, услышав эти слова? Друг мой, я не верил своим ушам. Растерянный, я озирался по сторонам, но даже те люди, чьей ненависти я боялся, ласково мне улыбались. Слезы выступили у меня на глазах. Спотыкаясь, я подошел к скамье и занял место Огоуозы. Встал главный шаман и стал заклинать меня, чтобы я был верным защитником тэва. Когда он умолк, Поаниу наклонилась к своей священной змее, шепнула ей что-то и потом затянула песню. Это была та самая песня, которую я слышал много раз; снова почувствовал я волнение, и захотелось мне совершать великие подвиги. Песня оборвалась. Тогда я встал и, собравшись с силами, проговорил:

— Благодарю всех вас за то, что вы выбрали меня военным вождем и приняли в Тайный совет Патуабу. Есть у меня одно желание, которое не дает мне покоя. Слишком долго навахи грабили и убивали беззащитных жителей наших пуэбло. Теперь я хочу пойти на них войной!

Спустилось молчание. Я сел, недоумевая, как осмелюсь я высказать вслух заветное мое желание. Наконец мне ответил старый «зимний кацик».

— Мы, тэва, никогда не ходили воевать в страну неприятеля.

— Вот потому-то они вас и не боятся,— сказал я.— Правда, навахов очень много, но они разбиваются на маленькие шайки. Мы можем с ними справиться.

— Верно, верно! — воскликнула Поаниу.— Они убили наших близких, и мы должны отомстить.

Тогда и все остальные одобрили мое предложение. Меня стали расспрашивать, велики ли отдельные отряды

навахов и где можно их настигнуть. Долго мы совещались. Наконец «летний кацик» сказал, что этот вопрос он обсудит с «зимним кациком» и главным шаманом, а на четвертый день вечером сообщит нам свое решение. Так закончилось совещание.

Я довел Начитиму до нашего дома и помог ему взобраться по лестнице на крышу. Навстречу нам выбежали Келемана и Чоромана. Они уложили Начитиму на ложе из звериных шкур и с тревогой посмотрели на меня. Я улыбнулся.

— Ты свободен, свободен! — воскликнула Чоромана.

— Да, он свободен, и члены Патуабу назначили его военным вождем Покводжа, — объявил Начитима.

Услышав это, обе женщины словно обезумели от радости. Они плакали и смеялись, обнимали и целовали Начитиму и меня. Потом занялись стряпней. Когда ужин был готов, Чоромана уселась подле меня и сказала:

— Уампус, скоро ты будешь моим мужем. Завтра я начну строить наш дом. Мне помогут Келемана, моя мать и тетка.

— Хорошо, — ответил я. — Дом будет готов к моему возвращению.

— К твоему возвращению? Разве ты уходишь? Куда?

— На запад. В страну навахов. Отомстить тем, кто убил моего брата и тридцать пять тэва.

— Нет, нет! Ты не пойдешь! Тебя убьют! — закричала она, обнимая меня.

— Начитима! Одного сына мы потеряли, — вмешалась Келемана. — Уампуса я не отпущу! Он не пойдет воевать с этими страшными навахами!

— Слушайте, женщины! — резко сказал Начитима. — В эти дела вы не должны вмешиваться. Через три дня наши кацики и шаман примут решение. Если Уампус пойдет воевать с навахами, я пойду вместе с ним. Скоро мы узнаем, будем мы воевать или останемся здесь.

— А если вы пойдете на войну, я тоже пойду с вами! — раздался голос Кутовы.

Он пришел за Чороманой. Не говоря ни слова, та вскочила и выбежала из комнаты.

Рано утром она снова пришла к нам и сказала:

— Уампус, сегодня я начну строить наш дом. Я уверена, что кацики не позволят вам покинуть долину Покводжа.

— Мы вернемся в Покводж, и здесь, в этом пуэбло, я буду работать до конца своей жизни,— сказал я.— А ты начинай строить наш дом, чтобы он был готов к моему возвращению.

Спасаясь от упреков и жалоб Келеманы и Чороманы, мы с Начитимой взяли наше оружие и ушли в поле. Вечером, когда мы вернулись в пуэбло, я увидел, что Чоромана начала надстраивать второй этаж в доме своей матери.

Настал решающий день. Вечером мы с Начитимой пошли в северную киву, где уже собрались члены Патуабу. Не было только двух кациков и главного шамана, но вскоре явились и они. «Летний кацик» объявил нам, что они решили принять мое предложение и идти войной на навахов. Потом он спросил меня, обдумал ли я план наступления. Я ответил, что хочу выступить как можно скорее. Я поведу тех воинов, которые захотят за мной следовать, воинов не только из Покводжа, но и из других пуэбло тэва. Все члены Тайного совета согласились со мной, а двое скоморохов вызвались пойти в ближайšie пуэбло и сообщить тэва о предстоящем походе. Из Покводжа мы решили выступить через пять дней.

Спустя три дня вернулись скоморохи и принесли радостную весть: многие воины из других пуэбло решили присоединиться к нашему военному отряду. К вечеру пятого дня все были в сборе, а на шестой день в сумерках мы вышли из Покводжа. Было нас триста двенадцать человек.

Шли мы только по ночам и к утру третьего дня перешли через горный хребет и увидели страну навахов. Только я один из всего нашего отряда знал эту пустынную страну, а спутники мои удивленно покачивали головами, недоумевая, как могут люди жить на этих бесплодных равнинах.

Опасаясь привлечь внимание неприятеля, я отвел воинов в длинный каньон, который тянется на северо-запад, к реке Сан-Хуан. Этот каньон испанцы называют каньон Ларго. Здесь мы должны были скрываться до вечера.

Я хорошо знал это место, так как мой отец часто раскидывал лагерь в каньоне. Воины достали мешки с провизией и принялись за еду, но я не мог проглотить ни одного куска. Внезапно охватила меня гнетущая тоска. Я отошел от своих друзей и стал бродить по

каньону, вспоминая отца, мать, игры со сверстниками. У подножия скалы я нашел маленький полуразрушенный шалаш из палок и веток; его я выстроил с помощью брата много лет назад. Я не мог удержаться от слез.

Когда я вернулся к моим спутникам, они заставили меня поестъ сушеного мяса и майсовых лепешек, а Начитима расставил караульных и разослал разведчиков. Я лег и заснул, но и во сне не обрел покоя. Когда я проснулся, были уже сумерки. Тоска моя не рассеивалась. Мы тронулись в путь и шли всю ночь, а на рассвете снова спрятались в каньоне. Все время старался я понять, почему так тяжело у меня на сердце, и нашел наконец причину: я не хотел сражаться с навахами, моим родным народом. Но что было мне делать? Если бы я отказался вести дальше мой отряд, меня признали бы трусом. И вдруг вспомнил я слова, которые часто говорила отцу моя покойная мать: «Оставь в покое мирных землепашцев тэва. Сражайся лучше с испанцами, которые мало-помалу завладевают нашей землей».

И тогда я понял, что мы, тэва, должны заключить мир с навахами. Не следует воевать с ними, когда нам угрожает враг более страшный — испанцы, которые только и думают о том, чтобы завладеть нашей страной. Не лучше ли будет, если мы с навахами соединимся для борьбы с нашим общим врагом?

В это время пришли разведчики и сказали, что на равнине за каньоном они видели стадо овец и табун лошадей. Должно быть, мы находились неподалеку от лагеря навахов, так как вдали виден дым от костров. Тогда воины взяли за оружие и подошли ко мне, ожидая моих приказаний. Я сказал им, что до вечера мы останемся в каньоне. Потом я отвел в сторону Начитиму, Кутову и нашего шамана и им открыл свои мысли. Выслушав меня, Начитима ответил:

— Сын мой, если удастся нам заключить мир с навахами, значит недаром умер Одинокый Утес.

— И те, что вместе с ним пали в бою! — подхватил Кутова.

— Отпустите меня! Я пойду в лагерь навахов и буду говорить с ними о мире, — сказал я. — Если я не вернусь, наш отряд отомстит за меня и сотрет их лагерь с лица земли. Навахов там не больше сотни, а нас триста человек.

Все трое одобрили мое решение. Узнав о нем, обрadowались и воины.

Было уже темно, когда я подошел к лагерю навахов и насчитал двадцать вигвамов. Громко крикнул я, что я навах и возвращаюсь к моему родному народу. Люди выбежали из вигвамов посмотреть, кто я такой, а впереди шел мой дядя Белый Ястреб. Когда я назвал себя, он меня обнял и повел в свой вигвам. За нами последовало еще несколько человек, и беседа наша продолжалась до поздней ночи. Я должен был рассказывать им о своей жизни, о том, как добры были тэва ко мне и к моему брату. Я не забыл упомянуть, что брат мой был убит навахом, но ни слова не сказал о том, какое участие я принимал в последней битве. К счастью, в этом набеге не был повинен отряд моего дяди, и воины его не знали меня в лицо. Потом я предложил навахам заключить мир с тэва. Дяде понравились мои слова, но остальные сердито заворчали, а один из них сказал:

— Зачем нам заключать мир с тэва? Эти люди, словно муравьи, копошатся в своих пуэбло, а нам все-село их убивать и угонять их лошадей.

Тогда я рассердился и крикнул:

— Плохо вам будет, если вы не заключите мира с тэва! Знайте, что тэва решили посылать большие отряды в страну навахов! Рано или поздно они перебьют всех вас, а вы не можете с ними справиться, потому что тэва живут в укрепленных пуэбло. Сейчас в каньоне триста воинов тэва ждут моего возвращения. Если я не вернусь к ним, все вы будете убиты. Я, военный вождь, привел их сюда, чтобы отомстить за смерть моего брата и многих тэва, павших в бою с навахами! Да, сегодня ночью вы были бы убиты, если бы я не решил заключить с вами мир и объединиться для борьбы с врагами всех индейцев — испанцами.

Услышав, что в каньоне скрывается отряд тэва, женщины, находившиеся в вигваме, подняли крик. Испугались и воины, которые сначала и слушать не хотели о мире. Дядя подошел ко мне и сказал:

— Племянник, я горжусь тобой. Отныне не будет вражды между нами и твоими тэва. Я передам твои слова другим вождям нашего племени, и они заключат с вами мир. Ты прав: не должны мы ссориться между собой, когда у нас есть общий враг — испанцы, которые

притесняют всех индейцев. А теперь отведи меня в лагерь твоих воинов. Я хочу с ними поговорить.

Придя в лагерь, мы сели у костра, и мой дядя до рассвета беседовал с нашим старым шаманом. Я был их толмачом. Начитима и Кутова слушали и одобрительно кивали. Дядя обещал привести через пятнадцать дней всех вождей навахов в Покводж и там заключить мирный договор с тэва. Потом дядя вернулся в лагерь. Весь наш отряд провожал его, и в тот день тэва пировали вместе с навахами. На следующее утро мы отправились в обратный путь. Теперь мы ехали верхом, так как навахи дали нам лошадей.

Солнце садилось, когда мы подъехали к Покводжу. Жители пуэбло выбежали нам навстречу. Велика была их радость, когда они узнали, что грозные навахи хотят заключить с нами мир.

Чоромана взяла меня за руку и повела на Южную площадь, к дому своей матери. Второй этаж был уже выстроен, и Чоромана сказала мне, что она перенесла все свои вещи в новое жилище. По лестнице мы поднялись на крышу дома. В дверях Чоромана остановилась и шепнула:

— Теперь я могу сказать тебе: войди, мой муж!

Много лет протекло с тех пор, но я не забыл счастливого дня нашей юности. Теперь мы оба старые, очень старые, но счастливы по-прежнему.

В назначенный день приехали навахи — мой дядя и другие вожди, а также воины, женщины и дети. В подарок нам они привезли много одеял и пригнали табун лошадей. Здесь, в нашей южной киве, был заключен мирный договор: навахи и тэва не нарушают его и по сей день.

Когда умер старый «летний кацик», члены Патубу назначили меня на его место... Друг мой, слышишь! Нас зовет Чоромана. Я уверен, что она приготовила угощение — яичницу и майсовые лепешки.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
I. Битва у пуэбло Медведя	3
II. Сыновья Начитимы	13
III. Новый вождь охоты	23
IV. Вызов	33
V. Талисман охотника	42
VI. Конец охоты	51
VII. Оперение орла	61
VIII. Две стрелы попали в цель	70
IX. Тайный совет Патубу назначает день суда .	81
X. Новый военный вождь	91

Джемс Виллард Шульц

СЫН ПЛЕМЕНИ НАВАХОВ

Редактор *С. Н. Кумкес*

Художественный редактор *Т. И. Алексеева*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *П. И. Чивикина*

Т-03838. Сдано в производство 21/II—1958 г. Подписано в печать 22/IV—1958 г.
 Формат 84 × 108¹/₃₂. Физических листов 3,25. Печатных листов 5,33. Издательских
 листов 5,38. Тираж 150 000. Заказ № 3343. Цена 1 р. 65 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
 культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 65 к.

ГЕОГРАФИЗ-1958